В руках у Сокрушителя

18+

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова

В руках у Сокрушителя

«Автор»

2026

Кирова М.

В руках у Сокрушителя / М. Кирова — «Автор», 2026

Огромный рогатый генерал Тарк Варр не верит в богинь, но ему нужно спасти замок, а мне – вернуться домой. Сделка простая: я — мозг, он – сила.Но этот зверь в человеческой шкуре не умеет просить. Он умеет прижимать к стене, рычать приказы на ухо и делать со мной то, от чего подкашиваются ноги. Он слишком большой, слишком грубый и наполняет до крика, заставляя забыть собственное имя. Его власть в спальне абсолютна, моя покорность — сладка. С каждым разом я всё меньше хочу обратно.

© Кирова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Диван «Императорский», скидка сорок процентов 5
Глава 2. Великая Мудрость в кроссовках 10
Глава 3. Почётная пленница 15
Глава 4. Замок, которому нужна женщина с тряпкой 20
Глава 5. Сделка с чудовищем 27
Глава 6. Инвентаризация катастрофы 33
Глава 7. Генерал без сна 40
Глава 8. Комната зверя 47
Глава 9. Урок сервировки для рогатых 55
Глава 10. Советник с белыми перчатками 60
Глава 11. Первое правило приручения 68
Глава 12. Человечка под защитой 71
Глава 13. Ткань против брони 75
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Маргарита Кирова
В руках у Сокрушителя

Глава 1. Диван «Императорский», скидка сорок процентов

– Алиса, улыбка.

Алиса Воронцова подняла взгляд от рулетки.

Начальница стояла между стендом с кухнями «Прованс» и витриной с искусственными лимонами. На лице у неё было выражение женщины, которая сама не улыбалась с две тысячи девятого года, но требовала этого от других по инструкции.

– Я улыбаюсь, – сказала Алиса.

– Ты выглядишь так, будто мысленно переставляешь покупателей в более удобные места.

– Это помогает не убивать.

– Алиса.

– Уже улыбаюсь.

Она растянула губы. Начальница поморщилась.

– Лучше не надо.

Алиса снова опустила глаза к рулетке и прижала металлический язычок большим пальцем. Слева стоял диван «Императорский» в цвете «мокко». Справа – шкаф-витрина, слишком широкий для этого прохода. Между ними оставалось шестьдесят два сантиметра.

Шестьдесят два.

Любая женщина с пакетом, ребёнком, зимним пальто или обычным желанием пройти прямо уже застревала бы здесь боком.

Но поставщик прислал «готовую экспозицию». Директору понравилось слово «премиальная». А Алиса третий день слушала, как покупатели задевают витрину бедром и шипят сквозь зубы.

Она записала в блокнот: «Проход – 62 см. Убрать витрину или убрать людей».

Второй вариант нравился ей больше.

Торговый центр гудел субботой. Пахло картоном, кофе из автомата, дешёвым ванильным освежителем и мокрыми куртками. В детской зоне мальчик колотил деревянным молотком по игрушечному верстаку так, будто собирался разобрать мир до основания. Где-то в спальнях семейная пара спорила шёпотом, который слышали все три отдела.

– Я говорю, серый практичнее.

– У нас вся жизнь практичная, Олег. Я хочу зелёный.

– Зелёный будет пачкаться.

– Серый уже грязный душой.

Алиса чуть не улыбнулась по-настоящему.

Телефон в заднем кармане завибрировал. Она вытащила его, увидела имя и сразу пожалела, что не оставила в шкафчике.

Матвей.

«Слышал, ты всё ещё в мебели. Забавно. Думал, после диплома ты найдёшь что-то серьёзное. Кстати, если нужна рекомендация в студию, могу спросить. Там, правда, нужен человек поспокойнее».

Человек поспокойнее.

Алиса посмотрела на сообщение. Потом на рулетку. Потом на диван «Императорский».

В идеальном мире она бы ответила: «Матвей, твоя рекомендация нужна мне примерно как табурет на потолке».

В рабочем мире она заблокировала экран, сунула телефон обратно и повернулась к покупательнице, которая уже десять минут гладила подлокотник кресла.

– Девушка, а это точно натуральная кожа?

– Это экокожа, – сказала Алиса.

– То есть кожа?

– То есть нет.

– Но экологичная?

– Для коровы – да.

Покупательница моргнула. Потом почему-то засмеялась и купила два кресла.

К шести вечера ноги болели так, будто Алиса не ходила по залу, а таскала на себе комоды. В обед она успела съесть половину батончика и допить остывший чай. Покупателей меньше не становилось. Люди брели между диванами с лицами тех, кто пришёл «просто посмотреть», но уже мысленно разводился из-за цвета фасадов.

Новый шкаф привезли ближе к закрытию.

Его внесли четверо грузчиков. Точнее, трое несли, а четвёртый давал советы и придерживал воздух. Шкаф был высокий, узкий, из тёмного дерева, с резьбой по створкам. К остальной коллекции он не имел никакого отношения. Среди модульных гостиных, глянцевых фасадов и аккуратных ценников он выглядел как гость с похорон на детском утреннике.

– Это ещё что? – спросила Алиса.

Грузчик в синей куртке пожал плечом.

– По накладной «Шкаф декоративный, арт. 17-Б». Склад сказал в зал.

– В какой зал?

– В ваш.

– Конечно. Всё прекрасное и подозрительное сразу ко мне.

Она обошла шкаф. Дерево было почти чёрным, но в прожилках тлел тёплый красный оттенок, как уголь под золой. Резьба изображала рогатых зверей, переплетённые ветви и круг в центре, похожий на закрытый глаз. На ручках лежала тонкая пыль. Не складская, серо-картонная, а старая, сухая, с запахом камня.

Алиса провела пальцем по створке.

Дерево оказалось тёплым.

Она тут же убрала руку.

– Кто-нибудь его проверял?

– Он целый.

– Это не ответ.

Грузчик уже разворачивался к выходу.

– Девушка, нам ещё на третий этаж.

– Стойте. Где крепёж? Где паспорт изделия? Где… – Алиса наклонилась к ценнику на шнурке. – «Антикварный шкаф “Северная легенда”. Материал: массив. Цвет: грозовой орех. Скидка семьдесят процентов». Грозовой орех? Вы серьёзно?

Грузчик решил, что вопрос не к нему, и спасся бегством.

Алиса осталась перед шкафом одна.

В торговом зале постепенно гасили верхний свет. Оставались подсветки стендов, маленькие лампы у кроватей и золотые точки в витринах. В полумраке шкаф выглядел ещё чужероднее. Как будто его не привезли, а выкопали. Как будто он стоял здесь всегда и ждал, пока люди вокруг наиграются в скидки, рассрочки и фасады без ручек.

– Воронцова, – позвала начальница с кассы. – Оформи его в экспозицию завтра. Сегодня закрываемся.

– Он перекрывает проход.

– Завтра.

– У него глубина не по плану.

– Завтра.

– У него, возможно, проклятие.

– Тогда поставь ценник повыше.

Алиса посмотрела ей вслед и выдохнула.

Оставлять шкаф так было нельзя. Он стоял под углом и зажимал проход к спальням. Ночью уборщица обязательно ударится. Утром покупатели начнут обходить его по дуге, собьётся маршрут. Потом директор скажет, что экспозиция «не продаёт настроение», и виновата будет Алиса.

Она щёлкнула рулеткой и измерила расстояние до колонны. Потом до дивана. Если сдвинуть шкаф на пятнадцать сантиметров к стенду с креслами, проход станет терпимым. Не идеальным, но хотя бы не преступным.

Шкаф не поддался.

– Ну конечно, – пробормотала Алиса. – Красивый, мрачный и бесполезный. Где-то я уже это видела.

Телефон снова завибрировал. Ещё одно сообщение от Матвея.

«Не обижайся. Ты просто всегда слишком остро реагируешь. Поэтому с тобой трудно».

Алиса прикрыла глаза.

Опять это слово.

Слишком.

Слишком острая. Слишком громкая. Слишком требовательная. Слишком несговорчивая. Слишком сама собой для людей, которым нравились удобные женщины.

В детстве мама говорила: «Алиса, будь умнее, промолчи». В институте преподаватель хвалил её проекты, а потом добавлял: «Но с клиентами вам надо мягче». Матвей любил повторять, что её талант пропадёт, если она не научится быть удобнее.

Удобный человек.

Как складной стул.

Алиса резко дёрнула дверцу шкафа.

Та открылась легко.

Внутри не было полок. Только высокое зеркало во всю заднюю стенку. Но отражало оно не торговый зал.

Алиса застыла.

За её плечом должны были быть диваны, лампы, светлая плитка и вывеска «Скидка на кухни до конца месяца». Вместо этого в зеркале горели чёрные свечи. Дым поднимался в каменный купол. На полу был круг из металлических пластин, а вокруг него стояли фигуры в тёмных плащах.

Кто-то низко пел.

Голос шёл не из динамиков. Он шёл прямо из шкафа. Вибрировал в дереве, в костяшках пальцев, в зубах.

Алиса отступила.

Зеркало потемнело. Потом в глубине снова появилось её лицо – бледное, упрямое, с выбившейся прядью у виска. За её спиной в торговом зале что-то щёлкнуло. Возможно, система света. Возможно, здравый смысл.

– Так, – сказала она вслух. – Я переработала.

Из зеркала пахнуло холодом.

Не кондиционером. Не складом. Камнем после дождя, железом и горелыми травами.

Алиса сделала ещё шаг и упёрлась бедром в диван «Императорский». Рулетка выскользнула из руки, но она машинально поймала её за ремешок.

В зеркале одна из фигур подняла голову.

Под капюшоном блеснули рога.

Пение стало громче.

Алиса захлопнула дверцу.

Секунду всё было тихо.

Потом шкаф вздохнул.

Дверцы распахнулись сами. Изнутри ударил ледяной ветер, пахнущий грозой. Ценники на диванах взлетели. Искусственные лимоны посыпались из витрины. Где-то с грохотом упала декоративная ваза.

– Нет, – сказала Алиса.

Ветер решил иначе.

Он схватил её за бейдж, за волосы, за рукава, за воздух в лёгких. Алиса вцепилась в ручку шкафа. Дерево под пальцами было горячим. Рулетка болталась на запястье. Ноги скользнули по плитке.

– Помогите! – крикнула она.

Но торговый зал уже плыл, как отражение в воде. Диван «Императорский» растянулся в коричневое пятно. Лампы превратились в длинные золотые нити. Последним Алиса увидела свой блокнот, лежащий на полу возле витрины.

Она ухватила его свободной рукой.

Мир дёрнулся.

Плитка исчезла.

Под ладонями оказался холодный камень.

Алиса рухнула на что-то твёрдое, выбила из лёгких воздух и услышала, как вокруг разом оборвалось пение.

Несколько секунд она просто лежала щекой на каменной плите и пыталась понять, почему в мебельном центре стало так сыро.

Потом над ней раздался голос.

Низкий. Потрясённый. Нечеловечески густой.

– Великая Мудрость явилась.

Алиса открыла глаза.

Перед её носом горела чёрная свеча.

За свечой стояла копытная нога.

Очень большая копытная нога.

Алиса медленно подняла голову.

Вокруг алтаря стояли быки.

Нет. Люди.

Нет.

Быки-люди.

Огромные, широкоплечие, с рогами, тёмными гривами и почти человеческими лицами. В их глазах было столько священного ужаса, что Алиса на миг забыла испугаться.

Она села, прижимая к груди блокнот и рулетку.

Один из рогатых в плаще опустился на колено. За ним второй. Потом третий. Каменный зал наполнился тяжёлым стуком копыт и коленей.

Алиса посмотрела на них. Потом на чёрные свечи. Потом на круг из металлических пластин, покрытых странными знаками.

– Кто-нибудь, – сказала она хрипло, – объяснит, почему у вас полы в крови?

Жрецы переглянулись.

Кто-то прошептал:
– Она уже судит нас.
Алиса на миг зажмурилась.
Когда она открыла глаза, быколюди всё ещё были здесь.
Это было плохим знаком.

Глава 2. Великая Мудрость в кроссовках

Каменный зал пах дымом, мокрой шерстью и резкими травами. Под потолком висела темнота. Свечи горели чёрным пламенем – по-настоящему чёрным, с тонкой синей кромкой. От них не становилось светлее. От них становилось торжественнее и хуже.

Алиса сидела на алтаре и прижимала к себе блокнот, как щит.

Быколюди стояли на коленях.

Молчание затянулось.

– Так, – сказала она. – Начнём с простого. Где я?

Самый старый из рогатых поднял голову. Лицо у него было почти человеческое, если не считать широкого носа, тяжёлых надбровий, короткой бархатистой шерсти по скулам и рогов, уходящих назад из серебристой гривы. На рогах висели тонкие кольца с крошечными колокольчиками. Они дрожали, хотя старик не двигался.

– В священном зале Карра-Тум, о Великая.

– Меня зовут Алиса.

Старик прижал ладонь к груди.

– Великая Алиса.

– Нет. Просто Алиса.

– Простота – знак высшей мудрости.

Алиса глубоко вдохнула.

Потом так же глубоко выдохнула.

– Это будет долгий разговор.

Кто-то справа всхлипнул. Огромный молодой жрец с рыжей гривой смотрел на её кроссовки так, будто перед ним были священные реликвии. На правом кроссовке осталась пыль торгового зала и маленькая наклейка «-40%», прилипшая к подошве.

Алиса подтянула ноги под себя.

– Вы меня призвали?

Старик снова поклонился.

– Мы взывали к Великой Мудрости, что приходит сквозь закрытые двери в час, когда Таурос стоит на краю выбора.

– Через шкаф?

– Через Врата Древесного Чрева.

– Это был шкаф.

Жрецы переглянулись. Рыжий тихо повторил:

– Шкаф.

Так, будто слово было новым заклинанием.

Алиса осмотрелась.

Зал был круглым. Стены уходили вверх грубыми ребристыми колоннами, похожими на внутренности огромного зверя. На полу, кроме ритуального круга, темнели пятна старой крови. Над входом висела балка с трещиной. Слева стояла скамья с подложенным под ножку обломком плитки. Факелы висели так неровно, что половина зала тонула в тени, а вторая слепила глаза.

– Вы тут часто кого-то призываете? – спросила она.

– Лишь в великие часы, – ответил старик.

– И перед великими часами не моете пол?

Старик замер.

– Пол?

– Да. Пол. На котором вы стоите. Коленями. Ритуал, я понимаю, древний, но это не повод жить в санитарной катастрофе.

Рыжий жрец шумно втянул воздух.

– Она говорит о чистоте основания.

– Она видит скверну под нашими копытами, – прошептал другой.

– Она пришла с Измеряющим Жезлом, – добавил третий, глядя на рулетку у неё на запястье.

Алиса подняла руку.

– Это рулетка.

– Ру-ле-тка, – благоговейно повторил старик.

– Я ей измеряю расстояния.

– Она измеряет путь.

– Нет. Ширину диванов.

Жрецы снова переглянулись. На этот раз в их взглядах появилось такое почтение, что Алисе захотелось лечь обратно на алтарь и притвориться мебелью.

Двери зала распахнулись.

Не скрипнули. Не отворились. Именно распахнулись, как будто снаружи по ним ударил ветер.

В зал вошёл он.

Сначала Алиса увидела рога.

Тёмные, матовые, широкие у основания. Они плавно уходили вверх и чуть вперёд. На правом роге был узкий металлический обод, исцарапанный и потемневший.

Потом она увидела плечи.

Такие плечи, что дверной проём сразу показался слишком узким.

Тёмная шерсть лежала по верхней части груди и уходила к шее. Ниже начиналась кожа цвета тёплой бронзы, пересечённая старыми шрамами. На нём была военная куртка без лишних украшений, застёгнутая ремнями. Руки – огромные, сильные, с короткими когтями на пальцах. Лицо почти человеческое: жёсткая линия челюсти, прямой нос, глаза цвета мокрого янтаря.

Он остановился на пороге.

Зал будто стал меньше.

Алиса ненавидела, что первой её мыслью было не «опасно», а «вот на такого точно не шьют готовые рубашки».

Старик-жрец вскочил так быстро, что колокольчики на рогах звякнули.

– Генерал Варр! Великая Мудрость явилась!

Генерал Варр посмотрел на Алису.

Не на алтарь. Не на свечи. Не на её странную одежду. Прямо на лицо.

Алиса сидела перед ним в джинсах, белой рубашке с бейджем «Алиса, консультант», с растрёпанными волосами, блокнотом и рулеткой. Из всего божественного в ней сейчас была только способность не завизжать.

Он сделал шаг вперёд.

Копыта тяжело ударили по камню.

– Это? – спросил он.

Голос был ниже, чем у жрецов. Спокойный. Неприятно спокойный.

Старик вздрогнул.

– Генерал…

– Вы вскрыли древний портал, сожгли половину запаса чёрной мирры, напугали город, разбудили северный гарнизон и притащили на алтарь… – его взгляд скользнул по Алисиным кроссовкам, рулетке, бейджу, – человеческую девушку.

– Я не просила меня тащить, – сказала Алиса.

Все головы повернулись к ней.

Генерал Варр тоже повернулся. Медленно.

Это было разумное время, чтобы замолчать. Алиса почти им воспользовалась.

– Просто для протокола, – добавила она.

Один угол его рта чуть дёрнулся. Не улыбка. Скорее след от неё, который тут же стёрли.

– Ты понимаешь наш язык?

– Видимо.

– Кто ты?

– Алиса Воронцова. Консультант мебельного центра. Дипломированный дизайнер интерьеров. Человек, которого только что выдернули с работы через шкаф. Теперь вы.

Жрецы зашептались.

– Дизайнер…

– Де-зай-нер.

– Толкователь формы.

– Устроитель пространства.

Алиса ткнула пальцем в старика.

– Вот с ним я почти согласна.

Генерал Варр подошёл ближе. Алиса невольно выпрямилась. Он был огромный. Даже если бы она стояла, разница всё равно была бы неприличной. Его ладонь могла закрыть ей лицо. Его тень легла на камень перед ней, и свечи в этой тени будто стали ниже.

– Ты ранена?

Вопрос сбил её.

– Что?

– Ты упала. Ты ранена?

Он не тянул к ней руку. Просто спросил. Внимательно, сухо, без лишней мягкости. И Алиса вдруг поняла, что он смотрит на её локоть. Там содралась кожа, тонкая красная полоска уже начала саднить.

– Нет. То есть да, чуть-чуть. Но я переживу.

– Хала, воду и чистую ткань, – бросил он.

Рыжий жрец метнулся так быстро, что едва не сбил чашу со свечами.

– Я могу сама встать, – сказала Алиса, когда генерал протянул руку.

Он остановился.

Ладонь зависла между ними.

Алиса посмотрела на неё. Потом на свою руку. Сравнение было унизительным для эволюции. Его пальцы были длиннее её ладони. Когти короткие, ухоженные, но достаточно острые, чтобы напоминать: это существо создавалось не для сборки шкафов.

Он заметил её взгляд.

И опустил руку.

– Тогда вставай.

– Спасибо за разрешение.

Старый жрец тихо ахнул.

Генерал Варр прищурился.

Алиса осторожно сползла с алтаря. Камень под ногами оказался ледяным. Она сразу пожалела, что утром выбрала тонкие носки. Колени чуть дрожали, но она упрямо выпрямилась. Блокнот прижала к груди. Рулетка хлопнула по бедру.

Рыжий жрец принёс воду в широкой серебряной чаше. Алиса промыла локоть и поморщилась от холода. Генерал наблюдал молча.

– Что теперь? – спросила она.

Старый жрец открыл рот, вероятно, чтобы сказать что-то про волю небес.

Генерал ответил раньше:

– Теперь мы выясним, почему ты здесь, кто может открыть обратный проход и представляешь ли ты опасность.

– Я представляю опасность только для плохо расставленной мебели.

– Это решу я.

– Я так и поняла, что с демократией здесь не очень.

Он сделал ещё полшага ближе. Алиса заставила себя не отступить.

От него пахло дождём, кожей, железом и дымом. Не грязью. Не животным стойлом, как мог бы ожидать её мозг от существа с копытами и рогами. Пахло воином, который только что пришёл с улицы и не успел снять с себя холод.

Он снял с плеча тяжёлый тёмный плащ.

Алиса напряглась.

Тарк Варр, если она правильно запомнила имя, заметил и остановил движение.

– В зале холодно, – сказал он.

– Я не просила.

– Ты дрожишь.

– Я эмоционально реагирую на похищение.

– Дрожишь.

Он не накинул плащ на неё сам. Просто протянул.

Это было неожиданно. И хуже всего – плащ действительно был нужен. Воздух в зале резал кожу через рубашку. Алиса взяла ткань двумя пальцами, будто та могла укусить, и накинула на плечи.

Плащ оказался тяжёлым, тёплым и огромным. Он пах им. Алиса сразу пожалела, что заметила.

– Я не ваша богиня, – сказала она жрецам. – И не Великая Мудрость.

Старик опустил взгляд на её рулетку.

– Великая часто отрицает величие, чтобы испытать веру смертных.

– Нет. Смертные, слушайте внимательно. Я продавала диваны. Полчаса назад.

– Диваны, – прошептал рыжий.

– Священные ложа?

Алиса закрыла лицо ладонью.

Тарк Варр повернулся к жрецам.

– Достаточно. Ритуал закрыть. Никому не покидать храм без моего разрешения. Все записи, все использованные знаки и остатки мирры передать моим магам.

– Но Великая…

– Девушка, – отрезал он.

Старик побледнел под шерстью.

– Генерал, если она посланница…

– Если она посланница, – сказал Тарк, – она переживёт ночь в Роггарде. Если нет, тем более.

Алиса подняла голову.

– Простите, где я переживу ночь?

– В моём замке.

– А вариант «вернуть Алису туда, откуда взяли» есть в меню?

– Пока нет.

– Тогда я хотела бы подать жалобу.

– Принято.

– Кому?

– Мне.

– И что будет?

– Я её рассмотрю.

– Великолепно. Бюрократия с рогами.

На этот раз угол его рта дёрнулся заметнее.

Очень коротко.

Очень опасно.

Потом он повернулся к выходу.

– Идём, Алиса Воронцова.

От собственного имени в его голосе у неё по спине прошла странная дрожь. Не страх. Что-то рядом с ним. Теплее и опаснее. Он произнёс имя аккуратно, непривычно, словно пробовал на языке чужой металл.

– Я почётная гостья? – спросила она.

Он задержался у дверей.

– Пока ты почётная неизвестность.

– Звучит как пленница.

Тарк посмотрел на неё через плечо.

– Пленниц не укрывают своим плащом.

– А почётных неизвестностей?

– Если они дрожат.

И вышел.

Алиса осталась на месте ещё на секунду. Жрецы смотрели на неё с надеждой и ужасом. Чёрные свечи горели вокруг алтаря. Над входом треснутая балка тихо осыпала каменную крошку.

Она подняла палец.

– И всё-таки эту балку надо заменить. Пока она не убила кого-нибудь во имя древних пророчеств.

Старик приложил ладони к груди.

– Первое указание Великой.

– Я сдаюсь, – сказала Алиса.

И пошла за генералом.

Глава 3. Почётная пленница

Снаружи шёл дождь.

Не московский серый дождь, который превращает асфальт в кашу и заставляет людей ненавидеть общественный транспорт. Этот был тяжёлый, холодный, почти чёрный. Он падал на каменные ступени храма крупными каплями, бил по крытым повозкам, стекал с бронзовых голов статуй и собирался в желобах, где вода шумела, как маленькие злые реки.

Алиса остановилась под навесом.

Город внизу светился редкими огнями. Дома были низкими, каменными, с крышами из тёмной черепицы и широкими дверями. Двери, отметила она автоматически, были почти вдвое выше обычных. На улицах двигались фигуры с рогами. У некоторых на плечах лежали плащи, у других под дождём блестела шерсть. Над дальними кварталами поднимался дым кузниц.

Всё было настоящим.

Не сон. Во сне не мерзнут ступни. Во сне не саднит локоть. Во сне чужой плащ не тянет плечи вниз и не пахнет мужчиной, который мог одной рукой сломать стул, шкаф и твоё спокойствие.

У подножия ступеней ждала карета.

Нет, не карета. Карета была бы изящной. Эта вещь походила на бронированный шкаф на колёсах. Большой, чёрный, с металлическими накладками и фонарями из мутного жёлтого стекла. В упряжке стояли два существа, похожие на огромных быков с гривами, но умными глазами и слишком длинными ногами.

– Это транспорт? – спросила Алиса.

Тарк шёл рядом. При каждом его шаге вода разлеталась от копыт.

– Да.

– Просто уточняю. В вашем мире мебель иногда ест людей, так что я теперь осторожна.

Он открыл дверцу.

Внутри оказалось сухо, темно и просторно. Скамья была рассчитана на таура. Алиса села, и её ноги не достали до противоположной стенки. Тарк задержался снаружи, отдавая распоряжения двум воинам. Они были ниже его, но всё равно выше любого баскетболиста из мира Алисы. На поясах висели широкие мечи, на шее – кожаные ремни с металлическими знаками.

– Не пытайся бежать, – сказал Тарк, забираясь в карету.

Карета заметно просела.

– Я в чужом мире, ночью, под дождём, среди рогатых военных, – сказала Алиса. – Мой план побега пока ограничивается словом «потом».

Он сел напротив.

Даже напротив было слишком близко. Его колени почти касались её коленей, хотя он явно старался отодвинуться. Внутри кареты вспыхнул небольшой магический светильник. Мягкий янтарный свет лёг на его лицо, на шрамы у ключицы, на мокрые пряди тёмной гривы, выбившиеся из-за уха.

Уха.

Алиса резко перевела взгляд в окно.

Странный момент для смущения, учитывая, что её похитили в другой мир.

Карета тронулась.

Некоторое время они молчали.

Колёса грохотали по камню. Дождь шлёпал по крыше. Где-то снаружи фыркали упряжные звери. Алиса сидела, вцепившись пальцами в блокнот, и пыталась выстроить происходящее в список.

Пункт первый: портал существует.

Пункт второй: она в Тауросе. Или Карра-Тум был только храмом, а Таурос – страна. Уточнить.

Пункт третий: местные считают её Великой Мудростью, что плохо. Люди, ожидающие от тебя мудрости, очень быстро обижаются, когда ты предлагаешь помыть пол.

Пункт четвёртый: генерал Тарк Варр. Опасен. Сдержан. Не идиот. Отдал плащ. Не схватил за руку. Называет плен не пленом.

Пункт пятый: домой надо вернуться.

На пятом пункте внутри неприятно сжалось.

Там, в её мире, торговый центр уже закрыли. Начальница, наверное, злится, что Алиса пропала перед инвентаризацией. Матвей, возможно, напишет ещё одно сообщение про «неумение справляться со стрессом». Мама позвонит завтра утром, потому что по воскресеньям они созванивались. Алиса представила телефон, оставшийся где-то в другом мире. Или он был в кармане? Она хлопнула себя по джинсам.

Телефон был на месте.

Она вытащила его. Экран мигнул, показал три процента заряда и отсутствие сети.

Тарк смотрел на прямоугольник в её руке.

– Что это?

– Устройство связи.

– Магическое?

– В моём мире нет. Здесь, возможно, да. Но сейчас бесполезное.

– С кем ты хотела связаться?

Вопрос был простой – и от этого подозрительно аккуратный.

– С домом.

Он не ответил сразу.

– У тебя есть семья?

– Мама. – Алиса сунула телефон обратно, пока экран не умер окончательно. – Отец… где-то есть, но мы не общаемся. Бывший парень, которого можно не считать даже при очень плохой математике. Работа. А у вас?

– Что у нас?

– Семья. Дом. Кто-нибудь, кто будет волноваться, если вас затянет в шкаф.

Тарк посмотрел в окно.

– Замок.

– Замок будет волноваться?

– Замок заметит отсутствие хозяина.

– Это не одно и то же.

Он повернул голову. В янтарных глазах мелькнуло что-то холодное.

– Ты всегда говоришь то, что думаешь?

– Нет. Иногда я говорю то, что успела отфильтровать. Это был отфильтрованный вариант.

Снова эта почти-улыбка. Её след. Алиса начала подозревать, что у генерала с улыбками были сложные отношения: то ли он ими не пользовался, то ли считал оружием, требующим особого разрешения.

Карета выехала за городские ворота.

Алиса поняла это по тому, как изменился звук. Камень под колёсами сменился влажной дорогой. За окном потянулись тёмные поля, редкие огни, чернеющие башни. Вдали молния на секунду разрезала небо и показала горы. Острые, низкие, будто кто-то поставил на горизонт зубья сломанной пилы.

– Где мы? – спросила она.

– Северный Таурос. Земли Роггарда.

– Вы генерал чего?

– Северной границы.

– С кем граница?

– С Пепельными землями.

– Звучит уютно.

– Там не живут.

– После названия я не удивлена.

Он чуть наклонил голову.

– Ты не задаёшь главный вопрос.

– Какой?

– Вернёшься ли домой.

Алиса сжала блокнот сильнее.

– Я решила начать с вопросов, на которые вы можете ответить.

Тарк молчал.

Карета покачнулась на яме. Алиса съехала по скамье вперёд. Тарк поднял руку, но остановил её в воздухе, не коснувшись.

– Держись за ремень.

Она нашла кожаную петлю у стены.

– Спасибо.

– Я выясню про портал, – сказал он.

Алиса подняла на него взгляд.

– Это обещание?

– Это приказ самому себе.

– Звучит надёжнее.

Он отвёл взгляд. В этом движении было что-то странное. Не смущение. Скорее, привычка прятать реакцию до того, как кто-то успеет её прочесть.

Они ехали долго. Алиса пыталась не смотреть на него, но карета была коварно мала для такой задачи. Она видела, как вода медленно высыхает на его шее. Как пальцы лежат на колене – расслабленно, но готово. Как на левом запястье темнеет старый шрам, широкий, грубый, явно от оков или браслета. Как его рога иногда цепляют низкий потолок, и он чуть наклоняет голову, будто давно привык занимать меньше места, чем ему нужно.

Это раздражало.

Существо размером с шкаф не должно было выглядеть так, будто извиняется за свои габариты.

– Вы можете сесть нормально, – сказала Алиса.

Он поднял взгляд.

– Я сижу нормально.

– Вы сидите так, будто боитесь задеть меня коленом и попасть под суд.

– Ты маленькая.

– Спасибо, я не знала. Всё детство думала, что просто пол далеко.

Он посмотрел на её рот. На долю секунды. Алиса это заметила и почему-то замолчала.

– Я не хочу причинить тебе вред, – сказал он.

Слова были простые и прямые; в карете стало теснее.

– Тогда не причиняйте, – ответила она.

– Не всё зависит от желания.

– Но многое зависит от привычки.

Он смотрел на неё долго. Потом медленно разжал пальцы на колене.

– Ты странная.

– Я вежливо называю вас рогатым похитителем в плаще. Взаимно.

За окном снова сверкнула молния.

На этот раз она показала замок.

Он стоял на скале над рекой. Чёрные стены, угловатые башни, узкие окна, зубчатые переходы. Дождь стекал по камню, как по шкуре огромного зверя. Ворота были распахнуты, но от этого замок не выглядел гостеприимным. Скорее, он казался пастью, которая устала ждать.

Алиса медленно опустила взгляд на собственные кроссовки.

– Это ваш дом?

– Роггард.

– У него вид, будто он кусается.

– Иногда.

Карета въехала на мост. Под колёсами загрохотали доски, внизу ревела вода. На стенах двигались факелы. Стражники выпрямлялись при виде герба на дверце.

Алиса прижала блокнот к груди.

Паника, которую она весь путь держала за горло, шевельнулась, облизнулась и попыталась встать.

Она была в чужом мире. В замке чудовища. Без связи, без денег, без понимания правил. И единственный, кто пока не дал жрецам разобрать её на пророчества, сидел напротив и называл её маленькой так, будто это было не оскорблением, а задачей.

Карета остановилась.

Дверцу открыли снаружи.

Внутрь ворвался холодный воздух, запах мокрого камня и жареного мяса. Где-то в глубине замка гулко ударил колокол.

Тарк вышел первым. Потом повернулся и протянул руку.

Алиса посмотрела на его ладонь.

На этот раз не было алтаря, жрецов и чёрных свечей. Только дождь, ступенька слишком высоко, тяжёлый плащ на плечах и огромный генерал, который ждал. Не тянул. Не приказывал. Ждал.

Алиса вложила пальцы в его ладонь.

Его рука сомкнулась вокруг её руки осторожно. Почти нежно.

Это было хуже всего.

Опасности легче ненавидеть, когда они грубые.

Он помог ей спуститься. Камень под ногами был скользким. Алиса покачнулась, и Тарк тут же придвинулся ближе, прикрывая её от дождя своим телом.

Она подняла голову.

Он смотрел куда-то поверх неё, на ворота, на стражу, на замок. Но его рука всё ещё держала её пальцы.

– Генерал, – сказала она.

Он посмотрел вниз.

– Можно я сама?

Он отпустил сразу.

– Да.

И отступил на полшага.

Алиса почему-то почувствовала себя не свободнее, а холоднее.

Перед ними распахнулись внутренние двери Роггарда.

Тёплый свет не хлынул навстречу. Его почти не было. Только длинный зал, тёмные стены, копья вдоль колонн, огромные шкуры на каменном полу и запах пыли, дыма и старой военной усталости.

Алиса переступила порог.

Посмотрела направо. Налево. На потолок. На мрачные факелы, которые давали больше копоти, чем света. На узкую дорожку, где любой гость неизбежно наступал бы на край шкуры

и спотыкался. На лестницу, уходящую вверх под таким углом, будто её проектировал враг коленей.

– У вас тут, – сказала она, не успев остановиться, – планировка как в пещере после развода.

В зале стало тихо.

Стражники у стен перестали дышать.

Тарк повернул голову без спешки.

Алиса поняла, что сказала это вслух.

Потом поняла, что отступать поздно.

– И пыль вековая, – добавила она. – Раз уж мы начали честно.

Где-то справа кто-то подавился воздухом.

Генерал Тарк Варр выдержал паузу так долго, что где-то справа снова кто-то подавился воздухом.

Потом произнёс:

– Добро пожаловать в Роггард, Алиса Воронцова.

И Алиса почти услышала в его голосе насмешку.

Почти.

Глава 4. Замок, которому нужна женщина с тряпкой

Гостевая комната была размером с небольшую квартиру.

Это не делало её уютнее.

Алиса стояла на пороге, всё ещё в плаще Тарка, и смотрела на кровать. Кровать была огромной, высокой, с резными столбами и тёмным пологом, который свисал так низко, будто собирался задушить спящего из чувства долга. У камина лежала шкура неизвестного зверя. Зверь при жизни, видимо, был крупным, несчастным и очень пыльным. Стол у окна был рассчитан на человека ростом с Тарка, а стул рядом – на человека, готового сломать ноги при попытке сесть.

На стенах висели гобелены. Один изображал битву. Второй – ещё одну битву. Третий, для разнообразия, показывал пир после битвы, где все участники выглядели так, будто мечтали вернуться к первой части программы.

– Это лучшая гостевая комната? – спросила Алиса.

Женщина-таурша, которая привела её сюда, поджала губы.

Она была высокой, крепкой, с пепельно-серой шерстью по вискам и тонкими рогами, украшенными медными кольцами. На поясе у неё висели ключи. Очень много ключей. Их связка могла служить оружием, музыкальным инструментом и доказательством власти.

– Одна из лучших, – ответила она.

– Понятно.

– Что именно вам понятно, человечка?

Слово прозвучало не оскорблением, но и не лаской. Как «заноза» или «сквозняк».

– Что худшие лучше не смотреть на ночь.

Тауриха смерила её взглядом.

– Меня зовут Гарра. Я ведаю домом генерала.

Алиса посмотрела на комнату ещё раз.

– Соболезную.

Кольца на рогах Гарры тихо звякнули.

– Вам принесут еду, воду для умывания и чистую рубаху. Дверь будет охраняться.

– Чтобы меня никто не украл обратно на алтарь?

– Чтобы вы не заблудились.

– В замке?

– В Роггарде некоторые коридоры заканчиваются плохо.

– Вы сейчас про архитектуру или про казни?

Гарра чуть склонила голову.

– Да.

Алиса устало потёрла лоб.

– Прекрасно.

Когда Гарра ушла, дверь закрылась с тяжёлым стуком. Снаружи действительно встал охранник. Алиса услышала, как он переступил с копыта на копыто, потом затих.

Она осталась одна.

И только тогда всё догнало её.

Не красивым обвалом чувств. Не криком. Просто тело вдруг стало чужим и слабым. Колени подломились, и Алиса села прямо на край кровати. Матрас оказался жёстким, как нравственная позиция её начальницы.

Она смотрела на свои руки.

На пальцах осталась тёмная пыль от шкафа. На запястье висела рулетка. На бейдже всё ещё было написано «Алиса, консультант». Будто в любой момент кто-то зайдёт и попросит показать угловые диваны со спальным местом.

Она сняла бейдж.

Положила на стол.

Потом снова взяла и прижала к груди.

Глупо.

Но это был последний предмет, который связывал её с утром. С кофе в бумажном стаканчике, с раздражением из-за витрины, с сообщением Матвея, с миром, где самым странным существом был покупатель, уверенный, что экокожа растёт на экологичных коровах.

Алиса глубоко вдохнула.

Пахло пылью.

И чужим плащом.

Она всё ещё была в нём. Тяжёлая ткань грела плечи. Это злило. Ей хотелось сбросить его, потому что он принадлежал Тарку, а Тарк был частью проблемы. Но стоило плащу сползти, как холод комнаты тут же прокусил рубашку.

– Ненавижу практичных похитителей, – сказала Алиса пустой комнате.

Ответом стал треск в камине.

Огонь горел плохо. Дым уходил лениво, часть тянуло обратно. Алиса автоматически поднялась и подошла ближе. Заслонка открыта не до конца. Дрова сырые. Поленья уложены без доступа воздуха.

Она взяла кочергу, поправила дрова, открыла заслонку. Пламя сначала обиженно зашипело, потом ожило.

– Вот так, – сказала она. – Хотя бы ты слушаешь.

Через некоторое время принесли ужин. Не Гарра. Молодой слуга-бык с широким лицом, добрыми глазами и руками размером с противни. Он поставил поднос на стол так осторожно, будто тот был из сахара.

– Госпожа Алиса, – сказал он и поклонился.

– Просто Алиса.

Он испуганно моргнул.

– Так нельзя.

– Почему?

– Генерал велел обращаться уважительно.

– Тогда Алиса с уважением.

Слуга задумался. Было видно, что мозг у него честный и не готов к таким конструкциям после тяжёлого дня.

– Я Брум, – сказал он наконец.

– Очень приятно, Брум.

Он просиял.

На подносе оказались хлеб, густая похлёбка, кусок мяса, сыр и кружка тёмного напитка, пахнущего травами. Алиса сначала собиралась проявить осторожность. Потом желудок напомнил, что последний полноценный приём пищи был в другой вселенной, и осторожность отступила.

Похлёбка оказалась вкусной. Грубой, горячей, солёной. Хлеб – плотным и чуть сладким. Напиток – терпким, согревающим.

Брум стоял у двери и смотрел на неё с таким ожиданием, будто она должна была вынести приговор кухне.

– Вкусно, – сказала Алиса.

Он выдохнул.

– Правда?

– Правда. Только поднос неудобный.

Он снова напрягся.

– Неудобный?

– Для вас слишком мелкие ручки. Пальцы не помещаются нормально. Вы же несёте его кончиками, поэтому всё дрожит. Нужны прорези шире или боковые скобы.

Брум посмотрел на поднос, потом на свои пальцы.

– Я всегда думал, что это я неловкий.

Алиса замерла с ложкой в руке.

Вот так. Одна мелкая деталь. И вдруг комната перестала быть только чужой. В ней появился человек. То есть таур. Существо, которое всю жизнь считало себя неловким из-за дурацкого подноса.

– Нет, – сказала Алиса мягче. – Это поднос глупый.

Брум улыбнулся.

Улыбка у него была такая открытая, что страшные клыки не мешали ей быть почти детской.

Когда он ушёл, Алиса доела всё до последней ложки. Потом переоделась в принесённую рубаху. Рубаха была чистой, льняной и огромной. В ней можно было жить, сдавать часть площади и открыть филиал мебельного центра.

Она легла.

Не уснула.

Роггард шумел.

Сквозь стены доносились далёкие шаги, скрип дерева, гулкие голоса. Где-то лязгнул металл. Где-то фыркнул зверь. Ветер бился в ставни. Кровать была слишком большой, полог слишком тёмным, комната слишком чужой.

Алиса лежала на спине и смотрела в тканевую темноту над собой.

Дом должен успокаивать, думала она. Даже если дом крепость. Даже если вокруг война, политика и рогатые генералы. Особенно тогда.

Роггард не успокаивал. Он терпел людей внутри себя.

Наутро она проснулась от холода и злости.

Злость была полезнее страха.

Алиса умылась ледяной водой из кувшина, заплела волосы кое-как, надела свои джинсы и рубашку, сверху – льняную рубаху вместо кардигана. Плащ Тарка она сложила на кровати, потом посмотрела на дверь, на холодный пол, на камин и всё-таки накинула его обратно.

– Верну, когда перестанете жить в холодильнике, – сказала она замку.

Охранник за дверью оказался молодым, пятнистым и испуганным.

– Госпожа, вам велено оставаться…

– Где кухня?

– Госпожа?

– Кухня. Место, где делают еду. Обычно самое живое помещение в любом доме. Или у вас её тоже разместили в подземелье для поддержания настроения?

Он растерялся окончательно.

– Я должен позвать Гарру.

– Зовите по дороге.

– Но…

Алиса пошла.

Через три поворота она поняла, что охранник не шутил про коридоры.

Роггард был нелеп. Величественный, крепкий, дорогой и нелепый. Лестница вела к глухой стене с узким окном. Галерея поворачивала так, что любой несущий поднос неизбежно

врезался бы плечом в угол. Двери открывались наружу в узкий проход. На полу лежали шкуры, которые скользили по камню. Светильники висели высоко, освещая потолок и оставляя лица в тени.

Алиса шла и мысленно ставила красные пометки.

Потом нашла главный зал.

Днём он выглядел ещё хуже.

Ночь хотя бы скрывала часть преступлений. Утренний серый свет из высоких окон показал всё: пыль на трофеях, копоть на потолке, столы, расставленные так, что половина сидящих упиралась спиной в колонны, тяжёлые скамьи без спинок, очаг, от которого тепло уходило вверх, а не к людям.

В центре зала стоял Тарк.

Без плаща, в тёмной рубахе с закатанными рукавами. Он говорил с двумя офицерами, но замолчал, как только увидел Алису.

Её охранник почти врезался в неё сзади.

– Генерал, я пытался…

Тарк поднял руку. Охранник затих.

Алиса заметила, что генерал выглядел уставшим. Не сонным, а именно изношенным. Под глазами тени. На челюсти щетина. Волосы у висков влажные, словно он недавно умылся ледяной водой и не потрудился вытереться.

– Тебе было велено отдыхать, – сказал он.

– Мне было велено выжить ночь в комнате, где камин работает хуже моей старой микроволновки.

Офицеры переглянулись.

– Что такое микроволновка? – спросил один шёпотом.

– Видимо, демон огня, – ответил второй.

Алиса указала на зал.

– Это главная комната?

Тарк медленно осмотрел её. Вероятно, пытался понять, скрыт ли в вопросе подвох.

– Да.

– Здесь принимают гостей?

– Да.

– Кормят людей?

– Тауров.

– Неважно. Здесь едят, говорят, ждут приказов, празднуют, решают дела?

– Да.

– Тогда почему он выглядит как место, где радость казнили при свидетелях?

Молчание.

Очень много молчания.

Один из офицеров уставился в пол с лицом смертника. Молодой охранник за спиной Алисы тихо икнул.

Тарк не сводил с неё глаз.

– Объясни.

– С радостью.

Алиса прошла к ближайшему столу и с трудом сдвинула шкуру носком кроссовка.

– Вот это опасно. Любой споткнётся. Ваша броня весит, наверное, как мой холодильник, если кто-то рухнет, сломает себе всё, что у него есть. Столы стоят поперёк движения. Слуги с подносами вынуждены обходить колонны. Свет сверху плохой. Тепло от очага уходит в потолок, потому что у вас нет нормального распределения. Скамьи неудобные. Никакой акустики. Любой разговор превращается в рык, даже если человек просто просит соль. И пыль.

Она провела пальцем по ближайшему трофейному щиту. Палец стал серым.

– Пыль вековая.

Тарк подошёл ближе.

– Ты оскорбляешь мой дом.

Алиса подняла на него взгляд.

– Нет. Я говорю, что его можно спасти.

Что-то изменилось.

Не в зале. В нём.

Он не смягчился. Тарк Варр, похоже, вообще не был создан для мягкости при свидетелях. Но его внимание стало другим. Острее.

– Спасти, – повторил он.

– Да.

– От пыли?

– От бессмысленности.

Офицеры уже не дышали.

Алиса поняла, что снова сказала больше, чем следовало. Но отступать было поздно, а иногда правда сама выбирает себе обувь и идёт по грязному полу.

– Дом говорит о хозяине, – сказала она. – Ваш сейчас говорит: «Я умею держать осаду, но не умею жить после неё».

Взгляд Тарка стал тяжёлым.

Он подошёл ещё на шаг.

Теперь между ними оставалось совсем мало места. Мало для неё. Для него, возможно, это считалось приличной дистанцией. Алиса чувствовала тепло его тела, хотя зал был холодный. Видела, как на горле под кожей двинулась жилка.

– Ты много знаешь о домах? – спросил он.

– Достаточно, чтобы понимать: ваш дом устал.

– Дома не устают.

– Устают те, кто в них живёт. Дом просто начинает говорить их голосом.

Он молчал.

Долго.

Потом повернулся к офицерам.

– Выйти.

Те исчезли почти мгновенно. Охранник тоже попытался, но Тарк остановил его взглядом.

– Ты останешься за дверью.

– Да, генерал.

Через минуту Алиса и Тарк остались в главном зале одни.

Почти одни. Роггард всё равно присутствовал вокруг: камнем, холодом, копотью, старыми шкурами, оружием на стенах.

– Ты не боишься меня, – сказал Тарк.

– Боюсь.

Он чуть наклонил голову.

– Не похоже.

– Я умею работать с клиентами, которые уверены, что знают лучше специалиста. У вас просто рога.

На этот раз он действительно почти улыбнулся. Не губами даже. Глазами. Быстро, едва заметно, но Алиса увидела.

И зачем-то запомнила.

– Ты сказала, что можешь сделать лучше, – произнёс он.

– Я сказала, что можно спасти.

– Это разные вещи?

– Иногда. Сначала надо понять, кто согласен спасаться.

Тарк прошёл к очагу. Пламя отразилось на металлическом ободе его рога.

– Через сорок дней сюда прибудет Император.

Алиса выпрямилась.

– Император?

– Каэрн Третий. Он решит, получу ли я регентство северных земель.

– А если нет?

– Север передадут столичным советникам. Они поставят своих сборщиков налогов, своих людей в крепости, свои правила торговли. Тауров снова будут считать удобной армией, а не народом.

Впервые с момента появления в храме Алиса услышала в его голосе не приказ и не сухой контроль. Под ними было что-то более тёмное. Не просьба. Ни за что. Но и не равнодушие.

– И для этого нужен уют? – спросила она.

– Для этого нужен порядок. Сила. Достаток. Вид, что Роггард – не звериная нора.

Алиса медленно обвела взглядом зал.

– Вид у него сейчас именно такой.

– Я знаю.

Он сказал это тихо.

И именно поэтому она повернулась к нему.

Тарк стоял у огня, огромный, тёмный, со шрамами на руках и рогами, отбрасывающими тень на стену. Но в этот миг он выглядел не чудовищем из сказки. Он выглядел хозяином дома, который никогда не просил у дома тепла, потому что считал: не заслужил.

Алиса сжала рулетку.

– Мне нужны бумага, чернила, доступ к помещениям, список гостей, бюджет, складские запасы, люди, которые будут слушать, и право говорить, что у вас всё плохо.

Он повернул голову.

– Ты согласна помочь?

– Я согласна обсудить условия.

– Условия.

– Да. Это такая цивилизованная штука между «пленницей» и «делай, что велено».

Тарк подошёл к ней без спешки.

Алиса не отступила. Хотя захотелось. Не от страха даже. От того, что его присутствие слишком легко заполняло всё вокруг. Воздух, свет, расстояние, мысли.

– Говори, Алиса Воронцова.

Её имя снова прозвучало странно. Ниже. Плотнее. Как будто он уже привыкал к нему.

– Во-первых, я не вещь и не трофей.

– Согласен.

– Во-вторых, мне нужен доступ к информации о порталах.

– Согласен, если это не угрожает безопасности Роггарда.

– В-третьих, мне нужен шанс вернуться домой.

Он замолчал.

Вот тут, поняла Алиса, начиналось настоящее.

Огонь трещал. Дождь бил по высоким окнам. Где-то в коридоре глухо прошли копыта.

– Я не знаю, как открыть путь, – сказал Тарк. – И не обещаю того, чего не могу сделать.

Это было не то, что она хотела услышать.

Но ложь была бы хуже.

– Тогда обещайте искать.

– Обещаю.

– Письменно.

Он посмотрел на неё с таким выражением, будто она предложила ему расписаться в собственной поимке.

– Ты мне не веришь.

– Я знаю вас меньше суток. Вы забрали меня в замок после ритуала с кровавым полом. Нет, генерал, пока вы не в списке тех, кому я верю на слово.

– Я не человек.

– Это сейчас не главный минус.

Его ноздри чуть расширились. Алиса решила, что это мог быть смех, если бы смех у него не хранился где-то под замком с тремя замками.

– Хорошо, – сказал он. – Письменно.

Она моргнула.

– Правда?

– Ты ожидала спора?

– Да.

– Зачем мне тратить на него время, если ты всё равно упрёшься?

– Вы быстро учитесь.

– Я генерал.

– А я отличница.

Он явно не понял, но запомнил. Алиса увидела это по взгляду. Тарк Варр собирал сведения, как воин собирает оружие перед походом.

И почему-то ей стало важно, чтобы он правильно понял.

– Это значит, – сказала она, – что я привыкла делать невозможное за ночь, если до этого кто-то уверенно сказал, что я не справлюсь.

Тарк медленно оглядел зал.

– Тогда Роггарду повезло.

– Роггард ещё не знает, что с ним будет.

– Я тоже.

На этот раз в его голосе точно была насмешка.

Небольшая. Сдержанная. Но настоящая.

И Алиса, против всех разумных решений, улыбнулась.

Глава 5. Сделка с чудовищем

Договор писали в зале советов.

Алиса решила, что это помещение кто-то создавал с единственной целью: заставить любого вошедшего признаться в преступлениях, даже если он пришёл попросить чашку чая.

Длинный стол из тёмного дерева занимал почти всю комнату. Стулья стояли ровно, как солдаты перед казнью. На стене висела карта северных земель, испещрённая отметками, флажками и тонкими красными линиями. Воздух был холодный, сухой. Свет падал сверху, подчёркивая каждую трещину в лицах сидящих.

Кроме Алисы и Тарка, присутствовали Гарра, старый писарь с короткими рогами и двое офицеров. Офицеры смотрели на Алису так, будто она была маленькой бомбой в смешной обуви.

Алиса смотрела на чернильницу.

Чернильница была отвратительной. Слишком высокая, с узким горлышком, рассчитанная на перо длиной с кинжал. Она мысленно добавила её в список вещей, которые надо заменить, если её не съедят раньше.

– Формулировка, – сказал писарь, скрипя пером, – «человеческая дева Алиса Воронцова обязуется содействовать приведению Роггарда в надлежащий вид».

– Нет, – сказала Алиса.

Перо замерло.

Писарь поднял глаза.

– Что нет?

– Не дева.

В зале стало так тихо, что где-то за стеной можно было услышать, как капает вода.

Гарра закрыла глаза.

Один офицер закашлялся. Второй уставился в карту с внезапной преданностью географии.

Тарк медленно повернул голову к Алисе.

– Что? – спросила она. – Это юридический документ. Нечего вписывать туда непроверенные личные сведения.

Писарь покраснел под серой шерстью.

– У нас это общая форма обращения к незамужней женщине.

– Тогда пишите «специалист Алиса Воронцова».

– Спе… что?

– Специалист. Человек, который умеет что-то делать не по наитию, а потому что учился.

Писарь посмотрел на Тарка.

Тарк, к чести его рогов, даже не попытался спорить.

– Пишите.

Перо снова заскрипело.

– «Специалист Алиса Воронцова обязуется…»

– Не обязуется. Принимает на себя задачу в рамках сделки.

– Это одно и то же.

– Нет. Одно звучит как рабство, второе как договор.

Писарь начал дышать глубже.

Тарк сел во главе стола. Стул под ним не скрипнул только потому, что был сделан, кажется, из дерева, способного выдержать осаду. Алиса стояла напротив карты, потому что все стулья в комнате были для неё слишком высокими. После третьей попытки сесть достойно она выбрала достоинство стоя.

Тарк это заметил.

Конечно, заметил.

– Принесите другой стул, – сказал он.

– Не надо.

– Надо.

– Я могу стоять.

– Ты не обязана стоять из-за нашей мебели.

Слова попали неожиданно точно.

Алиса отвела взгляд первой.

Гарра вышла и вернулась с низким табуретом. Тоже жутким, тяжёлым и уродливым, но хотя бы подходящим по высоте. Алиса села, положила блокнот на колени и щёлкнула ручкой. Ей очень не хватало нормальной шариковой ручки. Местное перо требовало терпения, которого она сегодня уже перерасходовала.

– Итак, – сказала она. – Срок сорок дней.

– Тридцать девять, – поправил Тарк.

– Простите?

– Император прибудет на сороковой день утром. Значит, у нас тридцать девять полных дней.

Алиса встретила его взгляд.

– Вы умеете портить настроение профессионально.

– Да.

– Ладно. Тридцать девять. Объекты первой важности: главный зал, зал советов, гостевое крыло, кухня, маршруты прислуги, покои Императора, входная группа, двор. Объекты второй важности: галереи, малые гостиные, комнаты офицеров, кладовые, сад или то, что вы им называете.

Гарра фыркнула.

– Сад под снегом.

– Даже снег можно разложить прилично, если не ставить посреди двора сломанную телегу.

Гарра посмотрела на Тарка.

– Я говорила убрать телегу.

– Ты говорила сжечь её, – сказал Тарк.

– Это быстрее.

Алиса впервые почувствовала к Гарре почти нежность.

Писарь осторожно поднял руку.

– Это всё нужно вписать в договор?

– Нет, – сказала Алиса. – В договор нужно вписать мои полномочия.

Офицер справа не выдержал:

– Полномочия? У человечки?

Тарк даже не повернул головы.

– Дорн.

Одно слово. Но офицер тут же сел ровнее.

Алиса улыбнулась ему не самой доброй улыбкой.

– Да, у человечки. Потому что если каждый раз, когда я попрошу переставить шкаф, мне придётся искать генерала, через тридцать девять дней Император войдёт в ту же пыльную пещеру, только с уставшей мной посередине.

– Ты не будешь отдавать военные приказы, – сказал Тарк.

– Мне не нужны ваши мечи. Мне нужны плотники, прачки, кладовщики, слуги, мастера, доступ к складам и право выгнать из помещения любого, кто стоит и мешает.

– Меня тоже? – спросил он.

Вопрос прозвучал слишком спокойно.

Алиса подняла взгляд.

Они смотрели друг на друга через стол. Между ними лежали карта, чернильница, незаконченный договор и примерно тысяча причин помнить, что он её пленил, а она должна хотеть домой.

– Если будете стоять и мешать, – сказала она, – особенно вас.

В уголках его глаз мелькнуло что-то тёмное и живое.

– Вписать, – сказал он писарю.

Писарь чуть не уронил перо.

– Генерал?

– Право удалять из помещения любого, кто мешает работам. Военные зоны исключить. Мои личные покои – только с моего разрешения.

Алиса записала в блокнот: «Личные покои – отдельный бой».

Тарк увидел.

– Не пытайся.

– Я ещё ничего не сказала.

– У тебя лицо сказало.

– Это профессиональная деформация.

– Держи её при себе.

– Постараюсь. Без гарантий.

Гарра смотрела то на него, то на неё с выражением, которое Алиса не смогла прочитать. В нём было и раздражение, и интерес, и, возможно, тайное удовольствие от того, что кто-то наконец спорит с генералом не дрожа.

Договор рос медленно. В него вписали: право Алисы свободно перемещаться по невоенным зонам Роггарда в сопровождении или без него после утверждения маршрутов; право требовать отчёты о запасах; право отдавать распоряжения домашним службам; право получать материалы; право доступа к архивам, связанным с порталами, ритуалом и призывом; обязанность Тарка и его магов искать способ возвращения Алисы домой; запрет использовать Алису в ритуалах без её согласия.

На последнем пункте жреца в комнате не было, но Алиса всё равно настояла.

– Ещё, – сказала она. – Запрет на обращение «диковинка».

Писарь устало поднял глаза.

– Это кто вас так назвал?

– Пока никто. Я работаю на опережение.

– Вписать? – спросил он Тарка голосом человека, который уже не хотел жить.

Тарк смотрел на Алису.

– Вписать.

Когда текст был готов, писарь развернул пергамент к Алисе. Она прочитала медленно. Несколько слов пришлось объяснить. Одно она заставила заменить, потому что «передача под защиту» слишком легко могла стать «передачей во владение». Писарь вспотел. Офицер Дорн скрипел зубами. Гарра явно считала минуты до того момента, когда сможет рассказать кухне, что маленькая человечка переписывала договор генерала Варра.

Наконец Алиса взяла перо.

Подписывать местным пером было неудобно. Линия получилась чуть дрожащей, но имя легло на пергамент узнаваемо: Алиса Воронцова.

Тарк взял нож.

Алиса напряглась.

Он заметил, конечно.

– Кровная печать, – сказал он.

– Обязательно?

– Для обещаний такого веса – да.

Он провёл лезвием по ладони. Кровь выступила тёмной линией. Алиса вздрогнула прежде, чем успела сделать лицо спокойным.

Тарк приложил ладонь к нижней части пергамента. Знаки вокруг подписи вспыхнули красным и погасли.

– Теперь если я нарушу слово, – сказал он, – договор обожжёт моё имя в Совете кланов.

– Больно?

– Позорно.

– У вас странная шкала наказаний.

Он перевязал ладонь куском ткани. Делал это одной рукой, быстро и привычно. Слишком привычно.

Алиса поймала себя на желании помочь и разозлилась.

Не хватало ещё перевязывать похитителей. Даже благородных. Даже тех, кто подписывает договор кровью и приносит стул, потому что мебель слишком высокая.

– Теперь, – сказала она, закрывая блокнот, – мне нужен полный обход замка.

Дорн глухо застонал.

– Сегодня?

– А вы хотели через тридцать девять дней?

Тарк поднялся.

Все в комнате тоже поднялись. Алиса осталась сидеть на табурете и решила, что встанет, когда сама сочтёт нужным.

– Гарра, Брума к Алисе. Дорн, людей для замеров. Писарь, копию договора в архив и одну – мне. Алиса получит третью.

– Мне нужна сумка, – сказала Алиса.

– Для чего?

– Для блокнота, рулетки, чернил, образцов, найденных ужасов и чувства собственного достоинства.

– Гарра.

– Найду, – сухо сказала та.

Через полчаса Алиса стояла в главном коридоре Роггарда с сумкой через плечо, блокнотом, рулеткой и Брумом, который смотрел на неё с радостной тревогой.

– Я буду помогать, госпожа Алиса с уважением.

– Просто Алиса. Но с уважением можешь оставить для официальных случаев.

– Да, госпожа просто Алиса.

– Уже лучше.

Тарк шёл рядом. Гарра – чуть позади. Двое рабочих тауров несли доски, верёвки и измерительные шесты.

Алиса остановилась перед первым поворотом.

– Сколько народу живёт в замке?

– Постоянно около двухсот, – ответила Гарра. – С гарнизоном – до пятисот.

– А уборщиц?

– Четыре.

Алиса медленно повернулась к Тарку.

– Вы серьёзно?

Он посмотрел на Гарру. Гарра посмотрела на него. Брум сделал вид, что стал частью стены.

– Замок военный, – сказал Тарк.

– Замок грязный.

– Он держал три осады.

– И проигрывает пыли.

Брум кашлянул – тихо, но крайне неудачно. Похоже, он смеялся.

Тарк бросил на него взгляд. Брум мгновенно стал трагическим.

Алиса развернула рулетку.

– Начнём с коридоров. Ширина, свет, маршруты. Потом кухня. Потом кладовые. Потом гостевые.

– Мои покои не входят в список, – сказал Тарк.

– Пока.

– Алиса.

Она подняла на него взгляд.

– Генерал, вы хотите, чтобы Император увидел сильный Роггард?

– Да.

– Тогда он должен увидеть замок, где хозяин не живёт так, будто наказывает себя за существование.

Слова вышли тише, чем она собиралась.

И попали глубже, чем она планировала.

Тарк замер.

Гарра отвела глаза. Брум перестал улыбаться. В коридоре вдруг стало слышно, как за стеной гудит ветер.

Алиса поняла: она не просто угадала. Она наступила на больное место.

Тарк сделал шаг ближе.

Не угрожающе. Но от его движения воздух всё равно изменился.

– Ты слишком много видишь, – сказал он.

– Это моя работа.

– Видеть хозяев через стены?

– Видеть, где дом врёт.

Он смотрел на неё сверху вниз. Его тень ложилась на её плечи. Алиса чувствовала, как сердце стучит у горла, но не опустила глаза.

Потом Тарк протянул руку.

Она не поняла зачем, пока он не коснулся края своего плаща на её плечах.

Только ткани. Не кожи.

Но пальцы были так близко к её шее, что Алиса перестала дышать на один короткий миг.

Он поправил складку, чтобы плащ не съезжал.

– В коридорах холодно, – сказал он.

И убрал руку.

Глупо было реагировать на это. Смешно. Она взрослая женщина, не школьница, которую задели пальцами у шкафчиков.

Но её тело решило иначе.

Кожа под воротом вспыхнула теплом. Алиса крепче сжала рулетку.

Тарк отступил первым.

– Веди, специалист.

Она услышала в этом слове не насмешку. Признание.

Маленькое. Едва заметное. Но настоящее.

Алиса щёлкнула рулеткой.

Металлическая лента вылетела вперёд, блеснув в тусклом свете.

– Хорошо, – сказала она. – Первое правило: если об угол можно удариться, об него обязательно ударятся. Второе: если путь неудобный, все будут ходить коротким и ломать вам порядок. Третье: пыль сама не умирает.

Брум записывал с видом ученика у пророка.

Гарра хмурилась, но слушала.

Тарк молчал.

И Алиса вдруг поняла: её правда не просто привезли в чужой замок. Ей дали ключ. Пока к коридорам, складам и чужим ошибкам. Но ключ.

А любой дом, даже самый мрачный, начинался с первого открытого помещения.

Они прошли вперёд.

Роггард гудел вокруг, холодный, каменный, недоверчивый.

Алиса провела ладонью по шершавой стене и мысленно поставила первую отметку.

Спасти нельзя сжечь.

Запятая зависла где-то впереди.

Глава 6. Инвентаризация катастрофы

К вечеру Алиса поняла, что Роггард не был замком.

Он был упрямым каменным животным, которое веками лежало на скале, терпело ветер, снег, войны, похороны, приказы, чужие сапоги, ржавые копья в коридорах и полное отсутствие человека, способного спросить: «А вам самим здесь удобно?»

Ответ, судя по всему, никого не интересовал.

В кладовой для белья пахло сыростью и мышами. Не живыми мышами, что было бы ещё терпимо, а их древним, пыльным наследием. На полках лежали простыни для гостей: толстые, серые, такие жёсткие, будто ими можно было накрывать не кровати, а осадные машины. Рядом стояли сундуки с вышитыми покрывалами, за которыми явно ухаживали только потому, что однажды кто-то приказал «беречь».

Алиса провела пальцем по верхней крышке.

Пыль легла на подушечку плотной бархатистой полосой.

– Вековая, – сказала она.

Брум, огромный таур с мягкими карими глазами и серьгой в одном ухе, заглянул ей через плечо. Чтобы сделать это, ему пришлось согнуться почти пополам.

– Семьдесят три года, госпожа Мудрость.

– Не называй меня так.

– Госпожа Алиса?

– Можно просто Алиса.

Брум посмотрел так, будто она предложила ему прийти на императорский ужин без штанов.

– Просто Алиса, – повторил он осторожно. – Семьдесят три года, просто Алиса.

– Что семьдесят три?

– С тех пор, как этот сундук открывали в последний раз.

Алиса медленно повернулась к нему.

Гарра, экономка, стояла в дверях, сложив руки на груди. Низкая по меркам тауров, то есть всего на две головы выше Алисы. Шерсть у неё была серебристо-серая, заплетённая у висков в тонкие косички, а взгляд – такой, каким в хороших магазинах смотрят на покупателей, которые трогают дорогие диваны мокрыми руками.

– То есть у вас есть гостевые покрывала, которые семьдесят три года никто не открывал? – спросила Алиса.

– Их берегли, – сказала Гарра.

– От кого?

– От использования.

Алиса опустила веки.

В своём мире она слышала много страшных фраз. «Акция только сегодня». «Этот оттенок универсальный». «Мы сами всё померили, у нас точно войдёт». Но «берегли от использования» заняло почётное место где-то рядом с «диван раскладной, но спать на нём не надо».

Она открыла блокнот.

На первой странице уже стояло:

Роггард: спасти нельзя сжечь.

Ниже она вывела новую строчку:

1. Всё, что нельзя использовать, нельзя хранить как полезное.

Перо, выданное ей Гаррой, царапало бумагу. Чернила пахли железом и сухими травами.

– Мы можем выбросить половину, – сказала Алиса.

Брум охнул.

Гарра выпрямилась.

– В Роггарде ничего не выбрасывают.

– Это заметно.

– Вещи служат дому, пока не развалятся.

– Некоторые уже развалились, просто делают это тихо.

Брум кашлянул в кулак. Похоже, спрятал смех.

Гарра заметила.

– Брум.

– Я ничего, госпожа хранительница.

– Ты дышишь слишком весело.

Алиса не выдержала. Улыбнулась.

За несколько часов она уже поняла, что Гарра не вредная. Гарра была крепостной стеной в юбке. Женщина, точнее таурша, которая много лет держала замок в состоянии «не рухнуло – уже победа» и теперь смотрела на Алису как на грозу с рулеткой.

Алиса уважала такие стены.

Но стены тоже иногда надо было утеплять.

– Смотри, – сказала она мягче и открыла один из сундуков. – Вот покрывала. Красивые. Тяжёлые. Наверное, дорогие.

На дне лежала тёмно-зелёная ткань с золотыми нитями. Под пылью узор всё ещё был хорош: острые листья, рога, солнце над горами. Алиса поддела край и подняла. Ткань хрустнула.

Не метафорически. По-настоящему.

– И мёртвые, – закончила она.

Гарра дрогнула лицом.

Ей было жалко. Не вещей даже. Труда, который пропал, потому что однажды кто-то решил сохранить красоту, спрятав её от жизни.

Алиса это знала. В мебельном центре такое случалось постоянно. Люди покупали дорогой стол «для гостей» и ели двадцать лет на клеёнке в кухне, потому что стол жалко. Берегли жизнь от самой себя.

– Мы не выбросим всё, – сказала Алиса. – Лучшее отдадим мастерам. Пусть используют куски для новых подушек, дорожек, вставок. Остальное – на утепление, тряпки, подкладки. Вещь должна работать. Иначе она просто занимает место и делает вид, что у вас есть запас.

Гарра молчала.

Брум смотрел на неё с надеждой человека, которому очень хочется согласиться, но жить ещё надо.

– Ты говоришь резко, – наконец сказала Гарра.

– Я стараюсь не говорить матом.

– Это ты стараешься?

– Очень.

Серебристая таурша неожиданно фыркнула. Быстро, почти незаметно.

Победа.

Маленькая, но Алиса за такие умела держаться.

Они пошли дальше.

Кухня встретила жаром и запахом жира. Огромное помещение с чёрными балками, двумя очагами, медными котлами и столами, на которых можно было разделывать целого мамонта, если в Тауросе водились мамонты. Судя по размерам ножей, водились.

Повариха, крупная рыжая таурша с обломанным кончиком правого рога, посмотрела на Алису с искренней скорбью.

– Маленькая, – сказала она.

– Это диагноз или приветствие?

– Как ты ешь?

– Ртом.

Повариха задумалась, будто ответ был технически верным, но всё равно подозрительным.

– Ей нужны порции меньше, – сказал Брум.

– Насколько меньше?

Все посмотрели на Алису.

Она посмотрела на котёл, где лениво всплывал кусок мяса размером с её ноутбук.

– Начнём с того, что мне не нужен завтрак, который может завтракать мной в ответ.

Повариха медленно улыбнулась. Широко. Зубасто.

– Я Руна.

– Алиса.

– Ты правда Мудрость?

– Я продавала шкафы в торговом центре.

– Это магия?

– Иногда проклятие.

Руна одобрительно кивнула, как будто наконец услышала понятное.

Алиса осмотрела кухню. Проходы широкие, но заставленные. Посуда разного размера, ножи хранятся рядом с тканями, мешки с мукой стоят слишком близко к влажной стене. Очаги хорошие, но свет ужасный. Если кто-то потеряет палец, заметят уже в тарелке.

Она открыла блокнот.

– Первое: муку убрать от стены. Второе: ножи отдельно, полотенца отдельно. Третье: здесь нужен стол ниже.

– Зачем ниже? – спросила Руна.

Алиса подняла руку.

Столешница была ей почти под грудь.

– Чтобы я могла что-то резать, не превращаясь в белку на плахе.

Руна задумалась, потом сказала:

– Сделаем.

Гарра скосила на неё взгляд.

– Быстро ты согласилась.

– Если человечка будет учить нас земной еде, ей нужен стол.

– Я не говорила, что буду учить.

Руна наклонилась. Очень медленно. Очень близко. От неё пахло дымом, мукой и жареным луком.

– Ты сказала «продавала шкафы». Значит, умеешь торговаться. Значит, умеешь выживать. Значит, умеешь есть вкусно, когда день был плохой.

Алиса хотела возразить.

Не смогла.

– Ладно, – сказала она. – Но сначала я узнаю, что у вас вообще считается едой.

Руна указала на котёл.

– Это.

– Я боялась, что ты так скажешь.

К полудню Алиса уже не чувствовала ног.

После кухни были гостевые комнаты. Потом прачечная, где пар висел так густо, что в нём можно было потерять совесть. Потом оружейная с безупречным порядком, который оскорблял все остальные помещения своим спокойным превосходством. Потом малый зал, где камин дымил внутрь, потому что кто-то, вероятно, ещё до рождения Тарка решил, что тяга – дело слабых.

За ними ходили всё новые люди: тауры, таурши, пара слуг-людей. Мальчишка с козлиными ногами, который отвечал за лампы и всё время пытался спрятаться за Брума. Все смотрели на Алису с ожиданием.

Не как на пленницу.

Как на бедствие, которое умеет считать.

Это было лучше.

В большом коридоре южного крыла Алиса остановилась и прислонилась плечом к стене. Камень был холодный даже через платье, которое ей выдали утром. Платье оказалось простым, тёмным, слишком длинным и с поясом, который Алиса затянула дважды. Джинсы и свитер Гарра забрала «на осмотр», потому что «земная ткань может быть проклята». Алиса подозревала, что джинсы просто стирают.

Она скучала по ним сильнее, чем ожидала.

– Воды? – спросил Брум.

Он протянул ей флягу. Фляга была размером с термос для семейного пикника.

Алиса приняла двумя руками.

– Спасибо.

Вода была холодной, с лёгким привкусом камня. Она пила и думала, что если сейчас кто-нибудь спросит её о цветовых акцентах, она ударит рулеткой.

– Устала? – спросила Гарра.

– Нет. Я всегда так стою. Как сломанный зонтик.

– Что такое зонтик?

– Маленькая переносная крыша для слабых существ.

Брум восхищённо поднял брови.

– У вас можно носить крышу?

– У нас можно носить почти всё, если маркетолог убедит, что без этого ты несчастен.

Гарра не поняла, но решила не уточнять.

По коридору навстречу шёл Тарк.

Алиса почувствовала его раньше, чем увидела. Не магией. Просто разговоры вокруг стихли. Шаги стали ровнее. Брум выпрямился. Гарра сложила руки так, будто на ней внезапно вырос официальный фартук.

Тарк был без плаща. В тёмной рубахе, перехваченной ремнями, с кожаным наручем на одной руке. На другой – свежая повязка у костяшек. Рога уходили назад тяжёлыми тёмными дугами, на одном у основания блестело серебряное кольцо.

Он посмотрел на Алису.

И на флягу в её руках.

– Ты ела?

– Приятно, что ты сразу веришь в мой интеллект.

– Это не ответ.

– Нет.

Гарра тихо выдохнула через нос.

Брум посмотрел в потолок.

Тарк нахмурился.

– Почему?

– Потому что ваш обед мог бы баллотироваться в органы власти. Он слишком большой и явно пережил многое.

Брум не выдержал. Издал странный звук, похожий на подавленное мычание.

Тарк медленно перевёл на него взгляд.

Брум стал памятником.

– Я распоряжусь, чтобы тебе приготовили подходящую еду, – сказал Тарк.

– Я не хрустальная.

– Я видел, как ты побледнела в прачечной.

– Там можно было сварить человека без котла.

– Значит, ты устала.

Алиса хотела огрызнуться.

Очень хотела.

Но за спиной у Тарка стояли двое молодых воинов. Они смотрели с таким жадным любопытством, будто генерал и маленькая человечка сейчас разыгрывали бесплатное представление.

Алиса решила не давать им удовольствия.

– Я устала, – сказала она ровно. – Но у нас ещё не осмотрены северные гостевые, библиотека, зал совета и ваши личные покои.

С последними словами Тарк стал неподвижным.

Вот так. Мгновенно.

Не рассердился. Не рыкнул. Просто в нём что-то закрылось.

Алиса заметила.

Конечно заметила.

Она слишком долго работала с людьми, которые приходили выбирать мебель для новой квартиры после развода, для детской после долгих попыток, для спальни, где супруги уже не смотрели друг на друга. Дом выдавал боль. Всегда.

– Мои покои не входят в подготовку, – сказал Тарк.

– Вы принимаете Императора как хозяин Роггарда.

– Император не будет спать в моей кровати.

– Это хорошая новость для всех участников процесса. Но он может захотеть говорить с вами там, где вы работаете. Или увидеть, как живёт будущий регент. Или понять, почему хозяин замка выглядит так, будто ночует на камнях.

Тарк сделал шаг ближе.

Коридор как будто сузился.

Алиса не отступила. Хотя тело предательски напомнило, что ей до его плеча – как до верхней полки без стремянки.

– Ты слишком смело говоришь для пленницы, – сказал он тихо.

– Тогда повысьте меня до подрядчика. Пленницы плохо составляют сметы.

Воины за его спиной переглянулись.

Уголок рта Тарка дрогнул.

Не улыбка. Едва ли тень от неё.

Но Алиса увидела.

И почему-то ей стало теплее.

– Сегодня хватит, – сказал он. – Ты поешь. Потом отдохнёшь.

– А если я откажусь?

– Тогда Гарра заставит тебя.

Алиса посмотрела на экономку.

Гарра без всякого стыда кивнула.

– Я умею.

– Предательство, – сказала Алиса.

– Хозяйственное решение, – поправила Гарра.

Тарк повернулся к Бруму:

– Отвести её в малую столовую. Руна приготовит что-нибудь…

Он замолчал, явно подбирая слово.

– Не способное победить меня в бою? – подсказала Алиса.

– Да.

Брум просиял.

– Будет сделано, генерал.

Алиса уже собиралась идти, когда за стеной что-то глухо ударило.

Звук был далёкий. Будто камень принял на себя тяжёлый кулак.

Потом ещё раз.

Тарк повернул голову.

Все остальные сделали вид, что ничего не слышали.

Именно поэтому Алиса поняла: слышали.

– Что это? – спросила она.

– Северная башня, – быстро сказала Гарра. – Ветер.

Снова удар.

Ни один ветер на свете не звучал так, будто кто-то пытался выбить боль из собственного тела.

Тарк смотрел в сторону лестницы.

На его лице не было удивления. Только усталость, резкая и старая.

– Все по местам, – сказал он.

Голос стал приказом.

Брум сразу отошёл. Гарра поклонилась. Воины исчезли почти бегом.

Алиса осталась.

Тарк опустил на неё взгляд.

– Ты тоже.

– Это был не ветер.

– В Роггарде много звуков.

– Удобная фраза. Можно прятать под ней всё, что угодно.

Он молчал.

В этот раз Алиса первой отвела глаза.

Не из страха. Из чувства границы. Она ещё не имела права лезть туда, где за дверями стояла не пыль, а чужая кровь.

Пока не имела.

– Хорошо, – сказала она. – Малая столовая. Еда, которая не нападает. Отдых.

Тарк кивнул.

Она прошла мимо него.

И почти миновала, когда он сказал:

– Алиса.

Она остановилась.

От того, как он произнёс её имя, без «госпожа», без «человечка», без насмешки, по коже прошёл тонкий жар.

– Не ходи ночью по замку одна.

– Потому что я пленница?

– Потому что Роггард старше твоего страха.

Она обернулась.

Тарк стоял всё там же, огромный, тёмный, с повязкой на руке и слишком спокойным лицом.

– А вашего? – спросила Алиса.

Он не ответил.

Но ночью, уже в своей комнате, под тяжёлым одеялом, которое давило на неё как моральный долг, Алиса проснулась от того же звука.

Удар.

Пауза.

Тяжёлое дыхание где-то далеко за стеной.

Удар.

Она лежала в темноте, слушала, как гудит замок, и понимала, что в Роггарде есть помещение, которое ей покажут последним.

Не потому что оно не важно.

Потому что там начинался хозяин.

Глава 7. Генерал без сна

Алиса продержалась ровно девять ударов.

На десятом села в кровати и сказала в темноту:

– Да чтоб вас всех с вашей акустикой.

Комната ответила сквозняком.

Огонь в камине давно просел до красных прожилок под пеплом. В углах стояла такая темень, будто её вырезали из подвала и занесли сюда ведром. На стуле лежало платье, на спинке – плащ Тарка, который Гарра почему-то не забрала. Алиса старалась на него не смотреть.

Старательно.

Безуспешно.

Чужая ткань хранила запах дыма, кожи и чего-то тёплого, горьковатого. Не парфюм. В Тауросе, видимо, мужчины не душились «морским бризом» и «ночным соблазном», за что Алиса была им почти благодарна.

Она встала.

Каменный пол обжёг ступни холодом. Алиса зашипела, нащупала выданные ей мягкие сапожки и натянула их прямо на босые ноги. Потом взяла плащ.

Не потому что это был его плащ.

Потому что в коридорах холодно.

Очень удобное объяснение.

Дверь открылась с тихим стоном. За ней горела одна лампа, и её жёлтый свет казался больным. У двери сидел молодой таур-стражник. Точнее, сидел он ещё секунду назад. При виде Алисы вскочил так резко, что едва не ударился рогом о притолоку.

– Госпожа Мудрость!

– Если ты сейчас закричишь, я превращу тебя в табурет.

Он открыл рот.

Закрыл.

Потом шепнул:

– Вы можете?

Алиса устало посмотрела на него.

– Нет. Но ты ведь не хочешь проверять.

Стражник сглотнул.

Молодой совсем. Широкий, рогатый, с копытами, с руками как у грузчика, но глаза почти мальчишечьи. Она уже видела его утром в оружейной. Кажется, его звали Орн.

– Мне приказано не выпускать вас одну, – сказал он.

– Отлично. Значит, ты пойдёшь со мной.

– Куда?

Снова удар.

Глухой.

Тяжёлый.

Орн вздрогнул и сразу сделал вид, что не вздрогнул.

Алиса повернулась к нему.

– Туда.

– Нельзя.

– Потому что генерал запретил?

– Потому что…

Он замялся.

Алиса чуть смягчилась.

– Орн, верно?

Он удивился.

– Да.

– Я не собираюсь лезть под топор. Я хочу понять, почему в замке каждую ночь будто кого-то бьют о стену.

– Никого не бьют.

– Значит, тем более можно показать.

Орн страдал. Это было видно. Между приказом генерала, страхом перед Гаррой, суеверным уважением к «Мудрости» и обычной юношеской паникой он выбирал, кого бояться больше.

Алиса помогла:

– Я пойду. Ты можешь пойти рядом и потом честно сказать, что не оставил меня одну. Или можешь остаться здесь и объяснять Тарку, почему человечка гуляла без охраны.

Орн побледнел под тёмной шерстью на скулах.

– Вы жестокая.

– Я работала в рознице.

Он не понял, но поверил.

Они пошли.

Ночной Роггард отличался от дневного так же, как зверь отличается от шкуры на полу. Днём замок казался тяжёлым и неухоженным. Ночью он дышал. В щелях посвистывал ветер, где-то капала вода, в стенах скреблось нечто мелкое, и каждый поворот открывал новый кусок темноты.

Алиса держала плащ у горла и жалела, что у неё нет телефона.

Не позвонить. Не посветить. Просто чтобы в кармане лежала привычная вещь – доказательство, что прежняя жизнь ей не приснилась.

Снова удар.

Ближе.

Орн остановился.

– Дальше оружейная.

– Там кто-то тренируется?

– Иногда.

– Ночью?

– Генерал… иногда.

Вот оно.

Алиса сделала шаг.

Орн выставил руку.

Она посмотрела на эту руку. На ладонь размером с разделочную доску.

– Ты правда собираешься меня остановить?

– Мне приказано вас беречь.

– От генерала?

Орн замер.

Вопрос попал не туда, куда она целилась.

– Нет, – сказал он резко. – Генерал никогда не тронет того, кто под его защитой.

Алиса кивнула.

– Тогда отойди.

Он отступил.

Дверь оружейной была приоткрыта.

Изнутри шёл свет. Не яркий, живой – от жаровен. Пахло металлом, маслом для кожи и горячим камнем. Алиса толкнула створку ровно настолько, чтобы увидеть.

Тарк был один.

Без рубахи.

Мысль в голове Алисы сначала не оформилась. Просто исчезли все слова, включая те, которыми она обычно спасалась.

Он стоял в центре оружейной, среди стоек с мечами и копьями. Огромный. С тёмной кожей и короткой густой шерстью на плечах и груди. Мышцы двигались под кожей не красиво-плакатно, а тяжело, рабоче, как механика большого живого тела, созданного поднимать, держать, ломать и защищать. На боку тянулся старый шрам. Ещё один пересекал грудь ниже ключицы. Третий уходил под пояс.

Он бил тренировочный столб.

Не кулаками. Деревянным мечом, таким большим, что Алиса не подняла бы его и двумя руками. Удар – поворот – шаг – снова удар. Каждый раз столб дрожал, кожаные ремни на нём вздрагивали, а в воздухе оставался хлёсткий звук.

Тарк дышал тяжело.

Но не от усталости.

От злости. Или от того, что стояло под ней.

Алиса хотела уйти.

Нужно было уйти.

Она уже поняла достаточно. Это не её дело. Его ночь, его боль, его способ не развалиться.

Но Тарк вдруг остановился.

– Я сказал не ходить одной.

Голос был низким. Хриплым. И совершенно не удивлённым.

Орн за спиной Алисы издал звук умирающей совести.

– Она была не одна, генерал.

Тарк повернулся.

Алиса пожалела, что не взяла с собой хотя бы табурет. Не для драки. Для моральной поддержки.

Его взгляд скользнул по ней, по плащу на её плечах, по босым щиколоткам над мягкими сапожками. На этом месте задержался на мгновение дольше.

Потом вернулся к лицу.

– Выйди, Орн.

– Но…

– За дверью.

Орн исчез.

Дверь осталась приоткрытой. Умный мальчик. Или очень хотел жить.

Алиса стояла на пороге.

Тарк опустил деревянный меч. На костяшках его пальцев выступила кровь. Повязка, которую она видела днём, сбилась, стала тёмной.

– Ты ранена? – спросил он.

Она моргнула.

– Что?

– Ты пришла ночью. Без разрешения. В оружейную. В моём плаще. Либо случилось что-то опасное, либо ты решила проверить, насколько далеко можно испытывать моё терпение.

– Выбор есть?

– Надеюсь.

– Я проснулась от ударов.

– Возвращайся в комнату.

– Нет.

Он не сводил с неё глаз.

Если бы взглядом можно было перемещать людей, Алиса уже летела бы обратно в кровать, аккуратно уложенная и, возможно, прибитая сверху одеялом.

– Это приказ, – сказал Тарк.

– А я не ваш солдат.

– Ты под моей защитой.

– Защита не делает меня глухой.

Он сжал челюсть.

Так сильно, что на скулах заходили мышцы.

Алиса прошла внутрь.

Оружейная была огромной, но рядом с ним всё равно казалась тесной. Ей пришлось сознательно не смотреть на его грудь. Потом сознательно не смотреть на живот. Потом признать, что сознание сегодня работает против неё.

– У вас кровь, – сказала она.

– Не твоя.

– Это должно успокоить?

– Обычно успокаивает.

– У вас странный круг общения.

Его рот дрогнул. И снова спрятался в суровую линию.

Алиса подошла к ближайшему столу. На нём лежали чистые тряпицы, кувшин воды, баночка с мазью. То есть он знал, что разобьёт руки. Подготовился. Это было хуже, чем случайность.

Она взяла тряпицу.

– Сядьте.

– Нет.

– Отлично. Тогда стойте и капайте кровью на пол, который я завтра заставлю кого-то отмывать.

Тарк посмотрел на пол.

Потом на руки.

Потом на неё.

– Ты всегда побеждаешь через хозяйство?

– Через чувство вины. Хозяйство просто удобный инструмент.

Он медленно подошёл к скамье у стены и сел.

Даже сидя, он был выше Алисы.

Это раздражало.

И ещё кое-что делало, но Алиса решила оставить это без названия.

Она приблизилась. Устроилась рядом, но не вплотную, поставила кувшин на скамью и протянула руку.

– Можно?

Тарк посмотрел на её ладонь.

Снова так, как тогда в коридоре. Будто её пальцы были сделаны из стекла, а не из вполне упрямой человеческой кожи.

– Это не нужно.

– Мне виднее. Я специалист по тканям, эргономике и мужчинам, которые делают вид, что им не больно.

– Большой опыт?

– Мебельный центр. Мужчины там поднимали шкафы без грузчиков, чтобы доказать жёнам, что ещё в форме.

– И?

– Потом покупали ортопедические матрасы.

Он выдохнул.

Почти смех.

Победа номер два за сутки.

Тарк положил руку ей на ладонь.

Нет.

Не на ладонь.

Его рука накрыла её руку полностью. Тяжёлая, горячая, шершавая у костяшек. Алиса на секунду забыла, что собиралась делать.

Пальцы у него были длинные, сильные, с тёмными когтями, коротко сточенными. На ладони – старые мозоли, свежие ссадины, кровь в трещинах.

Рука оружия.

И всё же сейчас она лежала послушно, раскрытая перед ней.

Алиса осторожно промокнула кровь.

Тарк не дёрнулся.

Но дыхание изменилось.

– Больно? – спросила она.

– Нет.

– Врёте плохо.

– Я не привык, чтобы это имело значение.

Она подняла глаза.

Он смотрел не на руку. На неё.

В жаровнях трещал уголь. За дверью Орн, вероятно, пытался дышать максимально незаметно. Снаружи бился в стены ночной ветер.

Алиса вдруг почувствовала, насколько они одни.

Не физически. Хуже.

В этом коротком куске ночи, где огромный генерал позволил ей держать свою руку, а она уже не могла притворяться, что видит в нём только похитителя с рогами.

– Почему вы не спите? – спросила она.

– Не хочу.

– Ещё одна плохая ложь.

– Ты ведёшь счёт?

– В блокноте места хватит.

Он отвёл взгляд.

На стене висели копья. Под каждым – маленькая металлическая табличка с именем. Алиса заметила это только сейчас. И поняла: это не просто оружейная. Это память.

– После границы сон приходит не ко всем, – сказал Тарк.

Тихо. Сухо. Как будто сообщал, что в северной башне течёт крыша.

Алиса промыла ещё одну ссадину.

– Пепельная граница?

Он посмотрел резко.

– Кто сказал?

– Слуги шепчутся. Воины молчат громче.

– Тебе лучше не слушать.

– Мне лучше много чего. Но я уже здесь.

Тарк ничего не сказал.

Алиса взяла мазь. Запах у неё был резкий – смола, горькая трава, немного дыма. Она нанесла на его костяшки тонким слоем. Его пальцы чуть согнулись.

– Вы можете спать лучше, – сказала она. – Не идеально. Не сразу. Но лучше.

– Ты теперь лечишь сны?

– Я делаю помещения, в которых телу легче вспомнить, что оно не на войне.

Он застыл.

Попадание вышло точным до жестокости.

Алиса мысленно выругалась. Она не хотела бить. Не сейчас.

– Свет, – продолжила она осторожнее. – Сейчас у вас всюду факелы и голый камень. Мозг не понимает, где день, где ночь, где зал, где казарма. Нужны тёплые лампы, тяжёлые шторы, меньше оружия в спальне, нормальная кровать…

– Моя кровать нормальная.

– Если вы спите как обвиняемый на допросе, то нет.

– Ты не видела мою кровать.

– Я видела ваши коридоры. Они многое обещают.

Он вдруг наклонился ближе.

Не резко. Но расстояние между ними стало опасно маленьким.

– Алиса.

Её имя снова прозвучало так, что у неё пересохло во рту.

– Мои покои не проект.

– Всё помещение – проект.

– Не всё можно переделать.

– Нет. Но многое можно перестать терпеть.

Его взгляд изменился.

Там появилась не злость. Что-то хуже. Желание поверить и ненависть к этому желанию.

Он забрал руку.

Осторожно, чтобы не задеть её пальцы.

– Иди спать.

– Тарк…

– Сейчас.

Приказ.

Стена снова встала между ними, тяжёлая, привычная. Алиса могла бы удариться об неё лбом. Не стала.

Она собрала тряпицы, закрыла баночку с мазью и поднялась.

– Хорошо. Но завтра я осмотрю вашу спальню.

– Нет.

– Да.

– Ты упряма.

– Вы первый день это заметили?

Он посмотрел на неё снизу вверх. Сидящий, растрёпанный после тренировки, с голой грудью в свете жаровен и перебинтованной рукой. Опасный до дрожи. Уставший до боли.

– Я заметил в храме, – сказал он. – Когда ты упала на алтарь и начала ругать пол.

Алиса фыркнула.

– Пол был ужасный.

– Он священный.

– Это не оправдание для скользкой плитки.

Тарк всё-таки улыбнулся.

Настояще.

На один миг.

Шрам у брови сдвинулся, суровая линия рта стала живой, и Алиса поняла, что ей срочно нужно уйти, потому что ещё одна такая улыбка – и она начнёт делать глупости. Например, хотеть увидеть её снова.

Она дошла до двери.

Орн за порогом стоял с видом стража, который не слышал ни слова и готов умереть за эту версию.

– Орн проводит тебя, – сказал Тарк.

– Я помню дорогу.

– Орн проводит тебя.

Она обернулась.

– Не рычите на союзников, генерал. Это портит рабочую атмосферу.

Орн подавился воздухом.

Тарк медленно поднял брови.

Алиса решила, что момент подходящий для отступления, и вышла.

По дороге назад Орн молчал так старательно, что Алисе стало его жалко.

– Он хороший командир? – спросила она.

Орн споткнулся на ровном месте.

– Генерал?

– Нет, камин в малой столовой. Конечно генерал.

– Лучший.

Ответ был мгновенным.

– Но вы его боитесь.

– Все боятся.

– Это не ответ.

Орн помолчал.

– Мы боимся не его. Мы боимся, что однажды он не вернётся.

Алиса замедлила шаг.

Мальчишка смотрел перед собой, упрямо, как молодой солдат, которому стыдно за лишние слова.

– Он всегда идёт первым, – сказал Орн. – Даже когда не должен. Особенно когда не должен.

Алиса ничего не ответила.

В комнате она сняла плащ и повесила на стул. Потом долго стояла рядом, глядя на тёмную ткань.

На пальцах остался запах его мази.

Смола. Травы. Кровь.

Утром, решила она, начнётся не с кухни.

Утром она найдёт способ попасть в покои генерала Варра.

И если для этого придётся объявить войну его кровати, так тому и быть.

Глава 8. Комната зверя

Гарра принесла завтрак сама.

Это уже было подозрительно.

Ещё подозрительнее оказался поднос: тонкая каша с мёдом, два маленьких хлебца, сыр, кружка травяного настоя и печёное яблоко. Всё человеческого размера. Всё съедобное. Ничто не пыталось доказать Алисе своё превосходство.

Она посмотрела на экономку.

– Руна?

– Генерал.

Алиса замерла с ложкой в руке.

Гарра поставила поднос на столик у окна и принялась поправлять складки занавеси. Делала это с таким видом, будто разговор её не интересует, но каждое слово можно будет потом аккуратно сложить в отдельный ящик.

– Генерал приказал приготовить мне завтрак?

– Генерал приказал, чтобы ты ела то, что способна пережить.

– Заботливо.

– Практично.

– У вас в Роггарде это синонимы?

Гарра скосила на неё взгляд.

– Если повезёт.

Алиса улыбнулась и попробовала кашу.

Сладкая. Горячая. С крупинками чего-то похожего на орех. После вчерашней мясной угрозы это было почти признание в любви от кухни.

Не от Тарка.

От кухни.

Она твёрдо решила держаться за эту мысль.

– Сегодня начнём с покоев генерала, – сказала Алиса.

Гарра уронила занавесь.

Прекрасно.

– Нет.

– Это сказал он или вы?

– Это говорит здравый смысл.

– Я с ним редко соглашаюсь до кофе.

– До чего?

Алиса вздохнула.

– До напитка, без которого мой народ хуже принимает реальность.

– У нас есть горький корень.

– Потом обсудим. Сейчас покои.

Гарра сложила руки.

– В личные комнаты генерала входят с его разрешения.

– Значит, получим разрешение.

– Он откажет.

– Значит, получим красиво.

– Ты маленькая и самоуверенная.

– Это помогает проходить в узкие места и неприятные разговоры.

Гарра смотрела на неё долго.

Потом сказала:

– Доешь.

– Это согласие?

– Это отсрочка.

Через полчаса Алиса стояла у дверей северного крыла, сытая, умытая, в тёмно-синем платье, которое Гарра умудрилась подогнать по фигуре за ночь, и с блокнотом под мышкой. Брум держал за ней рулон ткани, образцы дерева и связку ключей, которую ему, судя по лицу, доверили впервые в жизни и уже пожалели.

Тарк вышел из оружейной в тот момент, когда Алиса подняла руку, чтобы постучать в дверь его кабинета.

Сегодня он был полностью одет.

Это должно было помочь.

Не помогло.

Чёрная рубаха сидела на нём слишком хорошо, ремни подчёркивали ширину груди, волосы у висков были ещё влажными после умывания. На правой руке новая повязка. Алиса машинально отметила: завязана лучше, чем вчера. Значит, кто-то всё-таки проверил.

Он посмотрел на Брума. На рулон ткани. На Гарру, которая стояла чуть позади с видом свидетеля будущего преступления.

Потом на Алису.

– Нет.

– Вы даже не спросили.

– Я увидел Брума с образцами ткани у моих дверей. Тут и спрашивать было не о чем.

– Очень драматично для мужчины, который спит в комнате с голыми стенами.

Гарра тихо втянула воздух.

Брум стал изучать потолок.

Тарк двинулся ближе.

– Ты всё-таки пошла расспрашивать.

– Нет. Я сделала выводы.

– По чему?

– По вам.

Это было слишком прямо.

Алиса поняла по тому, как в его лице что-то снова закрылось. Надо было легче. Шуткой. Уколом. Она умела. Почему рядом с ним в нужные моменты язык вдруг выбирал правду?

– Генерал, – сказала она уже деловым тоном. – Я готовлю замок к императорскому визиту. Ваши личные покои – часть образа хозяина. Если они выглядят как штрафная камера для самого себя, это работает против вас.

– Император не увидит мои покои.

– Вы уверены?

Он молчал.

Вот.

Не уверен.

– А если увидит ваш кабинет? Вашу спальню за открытой дверью? Вашу рабочую комнату? Если придворные заметят, что у слуг чистые комнаты теплее, чем у регента? Что они решат?

– Что я не растрачиваю ресурсы на себя.

– Что вы не умеете жить в мире, которым хотите управлять.

Тишина.

Резкая настолько, что Брум за её спиной перестал дышать.

Гарра прикрыла глаза, будто заранее прощалась с Алисиными шансами пережить утро.

Тарк смотрел на неё без движения.

Взгляд был тяжёлый. Не злой. Хуже. Очень внимательный.

– Повтори, – сказал он.

– Нет.

– Боишься?

– Нет. Просто вы услышали.

Его ноздри чуть раздулись.

Алиса ощутила это всем телом: ещё шаг, и он будет слишком близко. Ещё одно слово, и спор перейдёт в зону, где ей придётся признать, что она спорит не только ради стен и ковров.

Тарк повернулся к Гарре.

– Ключ.

Экономка открыла рот.

Закрыла.

Достала из связки тяжёлый чёрный ключ и вложила ему в руку.

Брум посмотрел на Алису так, будто она только что выиграла битву, не вынимая меча.

Тарк открыл дверь.

– Один час, – сказал он. – Ничего не трогать без моего разрешения.

– А если вещь трогает эстетическое чувство первой?

– Алиса.

– Хорошо. Один час.

Он вошёл первым.

Комната за дверью оказалась не спальней, а рабочим кабинетом. Большим, высоким, с узкими окнами, выходящими на северные скалы. Ветер бил в стекло мелкой ледяной крупой. У стены стоял стол, огромный даже для Тарка, заваленный картами, донесениями, кожаными папками и каменными грузами. Рядом – стойка с оружием. Ещё одна. Потом третья.

– Сколько мечей нужно одному кабинету? – спросила Алиса.

– Все.

– Неправильный ответ.

Он прошёл к столу и встал рядом, скрестив руки на груди.

Алиса осмотрела помещение.

Чисто. Безукоризненно. Ни пыли, ни хаоса. Но от этого только хуже.

Здесь не было жизни.

Стул, стол, карты, оружие, камин, который грел скорее честь, чем воздух. На подоконнике – ничего. На стенах – знаки побед, списки павших, клинки, рога убитых чудовищ. Ни одной мягкой вещи. Ни одной книги, раскрытой не по делу. Ни чашки, забытой потому, что хозяин отвлёкся. Даже беспорядок был служебным.

Алиса прошла вдоль стола.

– Вы здесь работаете?

– Да.

– Едите?

– Иногда.

– Спите?

– Нет.

Он ответил слишком быстро.

Она посмотрела на диван у стены. Узкий. Кожаный. Без подушки.

– На этом можно признаться во всех грехах, но не отдохнуть.

– Это не для отдыха.

– Конечно. Отдых, судя по всему, в вашем доме считается вражеской пропагандой.

Брум тихо кашлянул.

Тарк даже не повернулся.

– Что бы ты изменила? – спросил он.

Алиса не сразу ответила.

В его голосе впервые не было вызова. Было что-то почти опасное: он правда хотел знать.

Она открыла блокнот.

– Свет. Здесь холодный северный свет днём и факелы ночью. Нужны лампы ниже уровня глаз, чтобы вечером пространство не ощущалось как караульня. Камин – прочистить и поставить экран, чтобы тепло шло в комнату, а не в легенду о вашем терпении. Стол оставить, но убрать половину оружия. Не всё. Я понимаю, что это ваш язык. Но сейчас кабинет кричит: «Я жду нападения». Нужно, чтобы он говорил: «Я контролирую север».

Тарк слушал.

Очень внимательно.

Алиса почувствовала, что увлекается. Это было её. Не порталы, не ритуалы, не древние бычьи обычаи. Пространство. Его привычки. Его ложь. Его правда.

– Здесь нужен второй стол ниже, – продолжила она. – Для писцов, карт, переговоров с людьми человеческого роста. Или для меня, если вы всё-таки хотите, чтобы я работала не стоя на ящике.

– Я не говорил, что хочу тебя здесь.

– А я не говорила, что спрашиваю.

В этот раз улыбнулся Брум.

Тарк заметил.

– Брум.

– Да, генерал?

– Запиши стол.

Брум чуть не выронил рулон ткани.

– Да, генерал.

Алиса отвернулась, чтобы не улыбнуться слишком широко.

За кабинетом была спальня.

Дверь туда Тарк открыл сам, но перед порогом задержался на половину секунды.

Алиса увидела.

Она вошла медленнее.

И сразу поняла, что ошибалась.

Комната не была штрафной камерой.

Она была местом, куда человек приходит только тогда, когда уже не может стоять.

Огромная кровать у стены. Без изголовья, без полога, без нормальных подушек, с тяжёлым тёмным покрывалом, натянутым ровно, как военный приказ. Возле окна – чаша с водой. У камина – сапоги, поставленные носами к двери. На стене – один меч. Не декоративный. Рабочий. На расстоянии вытянутой руки от кровати.

Шкаф. Сундук. Узкий стул.

И больше ничего.

Даже запах здесь был другой. Не пыль, не сырость. Чистая кожа, холодный камень, слабый можжевельник и что-то едва уловимое – его.

Алиса вдруг почувствовала, что вторгается.

Не в комнату. В одиночество.

Она закрыла блокнот.

Тарк заметил.

– Пиши, – сказал он.

– Сначала посмотрю.

Она прошла к окну. Оно выходило на пропасть и дальние горы. Вид был прекрасный и беспощадный. Просыпаться под таким небом каждый день – всё равно что открывать глаза перед судом.

– Шторы, – сказала она тихо.

– Зачем? Вид хороший.

– Именно.

Он не понял.

Она не объяснила сразу.

На столике возле кровати лежали три вещи: нож, маленький каменный амулет и деревянная фигурка.

Алиса остановилась.

Фигурка изображала бычка. Неловко вырезанного, с слишком большими рогами и смешным хвостом. Детская работа. Или подарок ребёнку.

Она не потянулась.

Только посмотрела.

И этого хватило.

– Не трогай, – сказал Тарк.

Голос стал низким.

– Я не трогаю.

– Даже не спрашивай.

Алиса кивнула.

– Хорошо.

Она отошла к камину. Там стояло кресло. Если это можно было назвать креслом. Скорее деревянная конструкция, созданная человеком, который однажды слышал о сидении, но счёл мягкость моральным падением.

– Это убрать.

– Нет.

– Почему?

– Привык.

– К боли в спине?

– К порядку.

Алиса повернулась.

Тарк стоял у двери. Не вошёл глубоко в комнату. Огромный хозяин собственных покоев держался так, будто оказался на чужой территории.

И тут она поняла.

Он здесь не отдыхал.

Он здесь сдавался.

Каждую ночь. Без свидетелей. Без права выглядеть слабым. Без права попросить тепла.

Алиса вдруг перестала хотеть спорить.

– Тарк, – сказала она.

Он напрягся от собственного имени.

– Что?

– Кто выбирал эту комнату?

– Она была отца.

Ответ прозвучал ровно.

Но в нём было слишком много ровности.

– А до него?

– Его отца.

– То есть вы живёте в спальне мёртвых мужчин.

Гарра за спиной тихо охнула.

Тарк не шелохнулся.

Алиса пожалела. Снова поздно.

– Я не это имела в виду.

– Именно это.

– Я хотела сказать…

– Что дом врёт?

Он повторил её вчерашние слова без насмешки.

Алиса сжала блокнот.

– Да.

Тарк прошёл к столу. Взял деревянного бычка. На его огромной ладони фигурка выглядела крошечной, почти нелепой.

– Его вырезала мать, – сказал он.

Гарра опустила глаза.

Брум стал тише, чем мебель.

Алиса не двигалась.

– Она была человеком, – продолжил Тарк. – Маленькой. Упрямой. Громкой, когда считала, что все вокруг идиоты.

Алиса нервно усмехнулась.

– Звучит как достойная женщина.

– Её ненавидели.

Вот и всё.

Два слова – и комната стала ещё холоднее.

Тарк посмотрел на фигурку, но говорил не с ней.

– После её отъезда отец убрал всё, что напоминало о ней. Кроме этого. Я спрятал.

– Она уехала сама?

Он поднял взгляд.

Алиса поняла: вопрос был запрещённым.

Но он ответил.

– Ей помогли понять, что Роггард станет сильнее без человеческой слабости.

Тишина.

Где-то в камине осыпался пепел.

Алиса почувствовала злость. Горячую, чистую, совсем неуместную. На мёртвого отца, на придворных, на замок, на всех, кто решил, что тепло делает камень хуже.

Она подошла к столу.

Медленно.

Не к Тарку. К пустому месту рядом.

– Можно? – спросила она.

Он понял не сразу.

Потом посмотрел на фигурку.

Его пальцы сжались.

И разжались.

Он протянул бычка ей.

Алиса взяла двумя руками. Дерево было гладкое от времени. Маленькие рога смешно торчали в стороны, одна нога короче другой. В этой неровности было больше жизни, чем во всей спальне.

Она поставила фигурку не обратно на край, где её можно было спрятать за ножом.

А на середину столика.

Тарк смотрел на её руки.

– Так лучше, – сказала она.

– Почему?

– Потому что это не стыдная вещь.

Он молчал. Дольше, чем позволял обычный спор.

Алиса уже решила, что перешла черту.

Потом Тарк сказал:

– Что ещё?

Она выдохнула.

– Шторы. Тяжёлые, тёмно-зелёные, с подкладкой. Не чтобы закрывать вид навсегда. Чтобы вы выбирали, когда на него смотреть. Кровать развернуть чуть к камину. Изголовье обязательно. Мягкое, но прочное. Оружие оставить одно, если вам так спокойнее, но не у самой головы. Кресло заменить. Добавить ковёр. Не роскошный. Тёплый. Чтобы утром первые ощущения были не камень и долг.

– А что?

Алиса подняла на него взгляд.

– Дом.

Он будто не знал, что ответить.

И это было страннее любого рыка.

Брум зашуршал бумагой, старательно записывая каждое слово. Гарра молчала, но её лицо изменилось. Не смягчилось. Гарра не была создана для мягкости. Но в глазах у неё появилось усталое согласие.

Алиса снова открыла блокнот.

– Сундук не трогаем, – сказала она. – Фигурку оставляем. Всё остальное обсуждаем.

– Ты сказала, что ничего не будешь трогать без разрешения.

– Фигурку вы мне дали.

– Ты опасно точна в формулировках.

– Спасибо. Это помогает в спорах с доставкой.

Тарк покачал головой.

И вдруг подошёл.

Близко.

Так близко, что в комнате стало труднее дышать.

Он взял с кровати край тёмного покрывала, потом образец ткани, который Брум держал на весу. Пальцы Тарка случайно задели пальцы Алисы.

Всего на секунду.

Тепло. Шероховатость. Вес.

Она замерла.

Он тоже.

Ни Брум, ни Гарра, конечно, ничего не заметили. Вероятно, только потому, что оба были воспитаны в редкой школе «не видеть очевидного ради выживания».

Тарк убрал руку первым.

– Этот цвет, – сказал он, глядя на ткань, а не на неё. – Похож на мох у северной реки.

Алиса провела большим пальцем по месту, где только что были его пальцы.

– Значит, он останется.

– Я не сказал, что нравится.

– Вы сказали лучше.

Он перевёл на неё взгляд.

– Что именно?

– Что помните, где видели такое живым.

Тарк ничего не ответил.

Но когда они выходили из спальни, деревянный бычок остался на столике.
На виду.
И Алиса поняла, что это была не просто правка интерьера.
Это была первая вещь в Роггарде, которую удалось вернуть из ссылки.

Глава 9. Урок сервировки для рогатых

Фарфор умер первым.

Он продержался меньше минуты.

Чашка, тонкая, белая, с золотым краем, жалобно хрустнула в пальцах воина по имени Дорн. Дорн застыл, глядя на осколки в ладони. На его лице было такое горе, будто он случайно убил домашнее животное.

– Я не сжимал, – сказал он.

Алиса посмотрела на его руку. Пальцы толщиной с ручки кресла, когти аккуратно подпилены, ладонь покрыта короткой рыжей шерстью.

– Верю.

– Она сама.

– Тоже верю.

За длинным столом в малом зале сидели двенадцать тауров, две таурши, Брум, Руна с видом человека, пришедшего смотреть театр, и Гарра, которая держалась так, будто лично отвечала перед предками за каждую вилку.

Перед ними лежали тарелки, салфетки, приборы, кубки, чаши, ложки, щипцы, кувшины и несколько предметов, назначение которых Алиса пока не разгадала. Один инструмент, похожий на серебряный коготь, она на всякий случай убрала подальше от еды.

– Хорошо, – сказала она. – Первый вывод: тонкий фарфор людям. Не таурским воинам.

– Мы можем научиться, – мрачно сказал Дорн.

Он был огромен даже среди своих, с белым пятном на носу и трагическим складом бровей.

– Можете, – согласилась Алиса. – Но зачем? Сервировка должна помогать гостю есть, а не заставлять его чувствовать себя преступником у посуды.

Гарра кашлянула.

– Императорский двор использует фарфор.

– Императорский двор пусть сам его и склеивает. У нас другая задача.

– Какая? – спросил Брум, уже приготовив перо.

Алиса подошла к доске, которую приказала поставить утром. На ней углём было написано:

Приём гостей в Роггарде.

1. Сила.

2. Порядок.

3. Уважение.

4. Никто не голоден и не унижен.

– Мы не изображаем человеческий двор, – сказала она. – Мы показываем Роггард. Если вы будете держать крошечные чашечки двумя пальцами и потеть от ужаса, гости увидят не воспитание, а стыд. А нам стыд не нужен.

Дорн осторожно поднял голову.

Брум перестал писать.

Гарра смотрела на Алису странно.

– Вам нужны предметы под ваши руки, – продолжила Алиса. – Тяжёлые кубки, которые красиво выглядят в большой ладони. Тарелки с широким краем. Салфетки не кружевные, а плотные. Подносы такие, чтобы их удобно держать, а не как жертвенное блюдо.

Руна одобрительно стукнула кулаком по столу. Три ложки подпрыгнули.

– Говорит дело.

– Руна, не ломай реквизит.

– Я нежно.

– Если это нежно, мне страшно за ваши свидания.

Несколько воинов заржали.

Не засмеялись. Именно заржали, низко, грудно, с фырканьем. Алиса на секунду растерялась, потом сама улыбнулась. Смех у них был заразительный, как перекаты бочек в погребе.

У двери кто-то остановился.

Она почувствовала это спиной.

Тарк.

Конечно.

Не мог же он пропустить момент, когда двенадцать его воинов учились складывать салфетки.

Алиса не повернулась.

– Продолжаем. Салфетка кладётся не так, будто вы сдаёте оружие, а спокойно. Дорн, покажи.

Дорн взял салфетку.

Та исчезла в его ладони.

– Нет, – сказала Алиса. – Мы не душим ткань.

– Я держу.

– Ты угрожаешь.

Он ослабил пальцы. Салфетка упала на стол комком.

Дорн покраснел. Под шерстью это выглядело темнее на скулах.

Алиса подошла, взяла вторую салфетку и положила её на свою ладонь.

– Смотри. У тебя ладонь большая. Используй это. Не зажимай пальцами. Дай ткани лежать. Вот так.

Она протянула салфетку ему.

Дорн послушно раскрыл ладонь. Алиса положила ткань сверху, потом двумя пальцами поправила край.

Край лежал криво.

Потому что стол был ей высоковат, а Дорн слишком нервничал.

Она поднялась на цыпочки.

Из дверей донеслось тихое:

– Брум.

Брум вскочил.

– Генерал?

– Принеси подставку.

Алиса всё-таки обернулась.

Тарк стоял у входа, опираясь плечом на косяк. Тёмная рубаха, волосы собраны кожаным шнуром, лицо серьёзное. Но глаза…

В глазах было что-то почти тёплое.

Он смотрел не на салфетки.

На неё.

Так внимательно, что у Алисы на мгновение сбился голос.

Глупость.

Она преподавала клиентам разницу между «скандинавским минимализмом» и «у нас денег хватило только на белый». Она могла справиться с одним рогатым генералом у дверей.

Даже если этот генерал вчера позволил ей поставить детскую фигурку на свой столик.

– Спасибо, – сказала она.

– Ты не должна тянуться.

– Я много чего не должна. Список растёт.

Он не ответил.

Брум принёс деревянную подставку. Алиса встала на неё и сразу почувствовала себя более цивилизованно.

– Итак. Повторяем. Салфетка. Кубок. Нож.

– Какой нож? – оживился один из воинов.

– Столовый.

Он разочарованно посмотрел на маленький нож у тарелки.

– Это не нож.

– Это нож для еды.

– Им нельзя убить.

– За столом это обычно плюс.

Руна снова расхохоталась.

Тарк у двери опустил голову. Кажется, скрывал улыбку.

Алиса решила не смотреть, потому что это мешало рабочему процессу.

Она разбила урок на части. Как встречать гостя. Куда сажать старшего. Как наливать напитки, не устраивая водопада. Почему нельзя ставить локти на стол, если твои локти занимают половину соседнего места. Как предлагать добавку человеку, не нависая над ним как башня правосудия.

– Брум, ты гость. Дорн, ты подаёшь хлеб.

Дорн взял блюдо с хлебом.

Подошёл к Бруму.

Нависающая над Брумом гора мышц, рогов и ответственности произнесла:

– Хлеба.

Брум сжал перо.

– Я бы взял из страха.

– Именно, – сказала Алиса. – Дорн, попробуй так: «Желаете хлеба?» И блюдо ниже. Ниже. Ещё ниже. Не надо подносить его к лицу как доказательство.

Дорн попробовал.

Получилось почти нежно.

Все зааплодировали.

Дорн поклонился с таким достоинством, будто взял крепость.

Через час зал изменился.

Не внешне. Внутри.

Тауры перестали бояться предметов. Предметы перестали выглядеть чужими. Алиса заметила, что они начали подсказывать друг другу. Двигать стулья удобнее. Передавать большие блюда двумя руками, а не пытаться копировать придворную мелкость. Один предложил сделать ручки у кувшинов толще. Другая – вышить на салфетках клановые знаки, чтобы рассадка читалась без криков распорядителя.

Вот.

Вот ради этого.

Алиса стояла на подставке, смотрела, как большой грубый зал вдруг собирает в себе будущий порядок, и чувствовала то самое рабочее счастье, которое редко кому объяснишь. Не восторг. Не радость даже. Удовлетворение от того, что хаос начал принимать форму.

– Ты улыбаешься, – сказал Тарк.

Он подошёл незаметно.

Для существа его размера это было нечестно.

Алиса повернула голову. Они оказались почти на одном уровне из-за подставки. Не совсем, но разница стала меньше, и от этого близость почему-то ощущалась острее.

– У меня получается, – сказала она.

– У них получается.

– Я великодушно разделю славу.

Его взгляд прошёл по залу.

Дорн в этот момент торжественно наливал воду в кубок и пролил всего треть.

– Я думал, они будут смеяться, – сказал Тарк.

– Они и смеются.

– Над собой. Не над тобой.

Алиса встретила его взгляд.

– А это важно?

– Да.

Он сказал это просто. Без пояснений.

Но Алиса поняла. Здесь смех мог быть оружием. Особенно против маленькой человечки, которая взялась учить великанов пользоваться салфетками.

Она хотела ответить что-нибудь лёгкое.

Не успела.

Дорн снова хрустнул чем-то.

Все замерли.

Он медленно поднял руку. На этот раз сломалась ложка.

– Она была слабая, – сказал он.

– Это мы запишем на её надгробии, – сказала Алиса.

Зал взорвался смехом.

Тарк тоже усмехнулся.

Алиса увидела. И это было опаснее всех разбитых чашек.

После урока Руна утащила половину участников на кухню обсуждать новые блюда, Гарра пошла проверять кладовые, а Брум остался складывать записи. Алиса спустилась с подставки и едва не оступилась. Ноги затекли.

Тарк поймал её за локоть.

Сразу.

Только пальцами. Осторожно.

Но его ладонь всё равно обхватила её почти полностью.

Алиса замерла.

Он тоже.

На этот раз рядом не было Брума, который делал вид, что ничего не видит. Точнее, Брум был, но стоял спиной и очень громко шуршал бумагами. Такой талант нельзя было не ценить.

– Осторожнее, – сказал Тарк.

– Подставка напала внезапно.

– Я казню её.

– Сначала допросите. Вдруг она работала не одна.

Он поднял на неё глаза.

Уголок его рта дрогнул.

Пальцы на её локте не сжимались. Даже наоборот – он держал так бережно, будто учился. Алиса вдруг вспомнила его слова: «Я не умею беречь маленькое. Но учусь».

И дыхание стало чуть тоньше.

Она могла бы отступить.

Не отступила.

Он мог бы отпустить.

Не отпустил.

Между ними повисло несколько секунд – спокойных не по случайности и длинных не по приличию.

Потом в дверях прозвучал чужой голос:

– Прошу простить. Я, кажется, прибыл в самый трогательный момент военной подготовки.

Тарк отпустил её мгновенно.

Не резко. Но так, словно закрыл дверь.

Алиса повернулась.

В зал вошёл человек.

И это само по себе стало событием.

После нескольких дней среди тауров человеческая фигура казалась почти странной: узкие плечи, лёгкие шаги, гладкое лицо без шерсти у скул и без рогов, меняющих весь силуэт.

Мужчина был красив. Не той тяжёлой красотой Тарка, от которой хотелось проверить расстояние до стены. Другой. Выверенной. Светлые волосы собраны низко у затылка. Серый дорожный плащ без единого пятна. Белые перчатки. Улыбка, которая заранее просит прощения и заранее не верит, что ей откажут.

Тарк рядом с Алисой стал каменным.

– Лиорен, – сказал он.

В одном имени было больше холода, чем в северном коридоре.

Человек поклонился.

– Генерал Варр. Роггард уже меняется. А слухи, как всегда, опаздывают за чудесами.

Его взгляд перешёл к Алисе.

Медленно. Вежливо.

Точно до неприятного.

– А это, должно быть, наша Великая Мудрость.

Алиса почувствовала, как Тарк чуть сдвинулся. Почти незаметно. Но теперь между ней и Лиореном стояла половина его плеча.

Защитник.

Или тюремщик.

В плохие дни разница зависела от того, с какой стороны двери стоишь.

Алиса вышла из-за его плеча сама.

– Алиса Воронцова, – сказала она. – Консультант по мебели, временный распорядитель катастроф и человек, который запретил бы этот плащ при плохом освещении.

Лиорен моргнул.

Потом рассмеялся.

Красиво. Тихо. Без фырканья, рогов и дрожащих ложек.

– Лиорен Вейс, советник по междворцовым связям. Временно прикомандирован к Роггарду.

– Сочувствую.

– Мне или Роггарду?

– Посмотрим по поведению.

Его улыбка стала шире.

Тарк не улыбался.

Совсем.

И Алиса впервые подумала, что в этот зал вошла не вежливость.

А тонкий нож в белой перчатке.

Глава 10. Советник с белыми перчатками

Лиорен Вейс умел занимать место так, что казалось: он никому не мешает.

И именно поэтому мешал всем.

Он не нависал, как тауры. Не шумел, не стучал копытами, не заполнял воздух запахом кожи, металла и дыма. Он стоял у стола, легко касаясь пальцами спинки стула, и в малом зале вдруг стало теснее, чем когда Дорн пытался налить воду из кувшина размером с ребёнка.

Алиса не любила таких людей.

Гладкие до скрипа.

В мебельном центре такие покупатели всегда были опаснее грубых. Грубый скажет: «Дорого». Гладкий улыбнётся, похвалит вашу компетентность, попросит позвать старшего менеджера и через двадцать минут вы будете виноваты в том, что фабрика в Италии не учла его духовные потребности.

Лиорен был из этих.

Только с плащом лучше.

– Я слышал, – сказал он, рассматривая столы, – Роггард готовится удивить Императора.

– Роггард готовится принять Императора, – поправил Тарк.

– Разумеется. Удивление – лишь приятное последствие.

– Для кого?

Лиорен положил руку на грудь.

– Генерал, вы раните мою преданность.

– Она быстро лечится.

Алиса посмотрела на Тарка.

Это был новый Тарк. Не тот, который спорил с ней о шторах. Не тот, кто сидел ночью в оружейной с разбитыми костяшками. Этот говорил мало, но каждое слово было поставлено как щит. И за щитом явно стояло что-то старое.

Лиорен, кажется, получал от этого удовольствие.

– Рад видеть, что ваше чувство юмора пережило северные ветра, – сказал он.

– Оно вооружено.

– Как и всё здесь.

Взгляд Лиорена снова вернулся к Алисе.

Она стояла у подставки, с блокнотом в руках, в платье, которое всё ещё казалось чужим, и вдруг очень остро ощутила свой рост. Свою человеческую кожу. Отсутствие рогов, копыт, местных правил и права понимать, во что её втягивают.

Лиорен улыбнулся мягче.

– Вам, наверное, нелегко среди нас.

– Среди кого именно?

– Среди тауров.

Слово прозвучало без грубости.

Но после него в зале стало тише.

Брум замер у стола. Дорн перестал собирать осколки. Руна у дверей прищурилась.

Алиса поставила блокнот на стол.

– Пока сложнее всего среди мебели, которая меня не уважает.

Лиорен снова улыбнулся.

– Вы остроумны.

– Это защитная реакция.

– От страха?

Тарк сделал едва заметное движение.

Алиса успела раньше.

– От глупых вопросов.

Брум кашлянул. Дорн уронил осколок чашки. Руна отвернулась к стене с лицом, которое обещало вечером пересказать это всей кухне.

Лиорен не обиделся.

Опасные люди редко обижаются сразу. Они откладывают.

– Великолепно, – сказал он. – Теперь я понимаю, почему Роггард ожил.

– Роггард не умирал, – сказал Тарк.

– Конечно. Просто долго задерживал дыхание.

Фраза была хорошая.

Алиса разозлилась, что заметила.

Тарк перевёл на неё взгляд.

Коротко. Но в этом взгляде был вопрос: ты в порядке?

Она не ожидала.

И оттого ответила не сразу. Только кивнула.

Лиорен заметил и это.

Разумеется, заметил.

– Генерал, – сказал он, – я привёз документы из столицы. Изменения в церемониале визита, списки сопровождающих, требования к безопасности и несколько писем, которые лучше обсудить без… учебных ложек.

Он посмотрел на сломанный фарфор.

– Кстати, о ложках, – сказал Лиорен. – Если вы действительно хотите пережить императорский визит, фарфор уберите совсем. Госпожа Арвенн, главный писец Его Величества, ненавидит звук тонкой чашки о камень. После осады Ласского моста у неё дрожит правая рука. Она не жалуется, но запоминает тех, кто заставил её это показать.

В зале стало тише.

Даже Тарк повернул голову.

Лиорен положил на стол папку. Не театрально. Почти буднично.

– Ещё: не ставьте южных дипломатов спиной к двери. Они сочтут это угрозой. Клан Белого Камня нельзя встречать красной тканью у входа – это цвет незакрытой кровной тяжбы. А если среди императорских людей будет баронесса Нерра, ей нужен стул с низкой спинкой. У неё сломана ключица, и она всё равно полезет в самый неудобный, лишь бы никто не заметил.

Алиса разозлилась.

Потому что это было полезно.

Очень полезно.

И хуже всего – он не смотрел на неё победно. Не говорил «видите, без меня вы пропадёте». Просто открыл нужную папку именно в тот момент, когда Роггард мог бы потом споткнуться о чужую боль и назвать это этикетом.

– У вас есть весь список? – спросила Алиса.

– Почти весь. Двор любит менять людей в последний день, чтобы проверить, кто готовился, а кто украшал стены надеждой.

– Отвратительная привычка.

– Придворная.

Тарк медленно сказал:

– Почему ты не передал это раньше?

– Потому что до сегодняшнего утра я видел только военный список гостей. А теперь вижу, что в Роггарде появилась женщина, которая понимает: стул иногда опаснее меча.

Алиса повернулась к нему.

Нельзя было доверять человеку только за то, что он сказал правильную вещь.

Но и не заметить правильную вещь было глупо.

– Брум, – сказала она. – Запиши. Отдельная таблица: травмы, страхи, неудобства, которых гости не признают вслух.

Брум уже писал так быстро, будто от этого зависела судьба мира.

Дорн насупился.

Алиса вдруг почувствовала к нему почти материнскую нежность. Огромный воин мог, наверное, снести ворота, но сломанная чашка всё ещё ранила его чувство достоинства.

– Дорн, – сказала она. – Осколки в отдельную чашу. Мы потом посмотрим, можно ли сделать мозаичную вставку для подноса.

Он поднял голову.

– Из битого?

– Битое иногда становится красивее, если перестать притворяться, что оно целое.

Она сказала это Дорну.

Но Тарк почему-то отвёл взгляд.

Лиорен замер на половину вдоха.

Потом наклонил голову.

– Интересный подход, госпожа Алиса.

– Просто Алиса.

– В Роггарде вас называют иначе.

– Роггард ещё многому учится.

– В этом у него прекрасная наставница.

Слова были вежливыми до блеска.

Тарк повернулся к нему всем корпусом.

– В кабинет.

Не приглашение.

Лиорен поклонился Алисе.

– Надеюсь, мы ещё поговорим. Мне хотелось бы узнать о вашем мире.

– В моём мире люди, которые слишком быстро хотят что-то узнать, обычно хотят это продать.

– Или спасти.

Вот теперь она услышала.

Тонкий крючок под мягкой тканью.

Тарк тоже услышал. Его рука чуть сжалась у бедра.

– Лиорен, – сказал он.

Советник улыбнулся и пошёл к двери.

Когда они вышли, зал выдохнул.

Первой высказалась Руна:

– Слизкий.

Гарра появилась из-за колонны так внезапно, будто всё это время была частью архитектуры.

– Он человек королевского двора Вейрии. Там гладкость считается добродетелью.

– У нас на кухне это признак испорченного жира, – сказала Руна.

Алиса медленно села на край стола. Ноги вдруг устали.

– Он давно здесь?

– Появляется и исчезает, – ответила Гарра. – Помогает с бумагами, связями, переводами человеческих законов. Император терпит его, потому что Вейрия полезна в торговле.

– А Тарк?

Гарра посмотрела на неё.

– Генерал терпит его, потому что пока нельзя иначе.

Понятно.

То есть непонятно ничего, кроме главного: белые перчатки в Роггарде не любят.

После обеда Алиса пыталась вернуться к работе, но Лиорен поселился в голове как заноза. Она осматривала боковые проходы к залу приёма, спорила с мастерами о высоте лавок, выбирала место для светильников, а сама вспоминала его «или спасти».

Спасти от кого?

От тауров?

От Тарка?

От выбора, который она ещё не сделала?

К вечеру Брум отвёл её в библиотеку. Помещение оказалось неожиданно прекрасным: высокие стеллажи из тёмного дерева, лестницы на рельсах, узкие окна, запах старой кожи, пыли и сухой мяты. Книги были разного размера – от маленьких человеческих томов до огромных фолиантов, которые Алиса не смогла бы поднять.

– Здесь хранятся записи о порталах? – спросила она.

Брум замялся.

– Некоторые.

– Некоторые – это сколько?

– Я не умею читать по-древнему.

– А кто умеет?

– Генерал. Гарра. Жрецы. И, наверное, советник Вейс.

Конечно.

Она провела пальцем по корешкам.

Домой.

Слово возникло внезапно. Без красоты. Без грома. Просто встало между книжными полками и ею.

Домой – это мама, которая наверняка сходит с ума. Телефон с пропущенными. Начальница, которая сначала будет орать, потом испугается. Квартира с недопитым чаем. Плед на диване. Незакрытый чат с подругой.

И ещё работа, где её заменят через неделю.

Бывший, который скажет: «Я же говорил, что ты всё усложняешь».

Жизнь, в которой она знала, где купить носки.

Алиса опёрлась ладонью о полку.

– Просто Алиса? – осторожно спросил Брум.

– Всё нормально.

– У вас лицо, как у Дорна после чашки.

Она невольно рассмеялась.

– Спасибо за точность.

– Я учусь у вас.

Брум сказал это с такой гордостью, что у Алисы потеплело в груди.

– Найди мне всё, где есть рисунки дверей, кругов, зеркал, шкафов или людей, падающих не туда, куда планировали.

– Людей?

– Или тауров. Не будем дискриминировать по виду падения.

Брум ушёл искать.

Алиса осталась у стеллажа и вытащила тонкую книгу с металлическими уголками. На обложке были выдавлены странные знаки и арка, похожая на дверной проём.

Она открыла.

Текст, конечно, был нечитаемый.

– Вы держите её вверх ногами, – сказал Лиорен.

Алиса захлопнула книгу.

Он стоял у соседнего прохода, всё в тех же белых перчатках, только без плаща. В руках держал папку. Улыбался так, будто оказался здесь случайно, но случайность предварительно записалась к нему на приём.

– У вас талант появляться неприятно, – сказала Алиса.

– Это полезный навык при дворе.

– Не сомневаюсь.

Он подошёл ближе, но остановился на приличном расстоянии. В этом тоже был расчёт. Тарк нависал даже когда старался не нависать. Лиорен создавал ощущение выбора.

– Ищете путь домой?

Алиса не ответила.

– Простите, – сказал он мягко. – Вопрос грубый. Но естественный.

– В вашем исполнении всё звучит как часть договора мелким шрифтом.

– Вы мне не доверяете.

– Я вас знаю двадцать минут.

– Генерала вы знаете ненамного дольше.

Вот.

Она подняла взгляд.

Лиорен больше не улыбался так широко. Только чуть-чуть. Почти сочувственно.

– Но живёте в его замке, носите его ткани и распоряжаетесь его людьми.

– Потому что он заключил со мной сделку.

– Да. Генерал Варр умеет заключать сделки так, что они похожи на защиту.

Алиса почувствовала холодок между лопатками.

– Говорите прямо.

– Хорошо. Вы здесь редкость, Алиса. Ценная редкость. Для жрецов – знак. Для гарнизона – чудо. Для генерала…

Он замолчал.

– Договаривайте.

– Для генерала вы можете стать слабым местом.

– Или специалистом.

– Одно не исключает другого.

Алиса сжала книгу.

– Вы пришли предупредить меня или испугать?

– Предложить помощь.

– В чём?

– В понимании правил. Таурос красив в своей грубости, но он опасен для тех, кто не родился с рогами. Здесь вас будут обожать, пока вы удобный знак. Бояться, когда станете человеком. Ненавидеть, если генерал начнёт слушать вас слишком часто.

– А вы, конечно, единственный честный человек в радиусе скалы.

Он усмехнулся.

– Нет. Я просто человек.

Слово прозвучало почти как «свой».

Алиса ненавидела, что это сработало.

После дней среди чужой силы, чужих тел, чужих обычаев перед ней стоял мужчина из её вида. С понятными руками. Понятным ростом. Понятной улыбкой. От этого не становился безопаснее. Но мозг всё равно на секунду расслабился.

Лиорен заметил и это.

– Если захотите узнать о порталах, – сказал он, – я могу подсказать, где искать. Не все книги в Роггарде лежат на открытых полках.

– Почему бы вам просто не сказать Тарку?

– Потому что генерал Варр считает любое вмешательство угрозой.

– Может, у него причины.

– Конечно. У всех чудовищ есть причины.

Алиса медленно положила книгу на стол.

Слово ударило неприятно.

Не потому что было слишком жестоким.

Потому что она сама ещё недавно думала похоже.

– Не называйте его так при мне, – сказала она.

Лиорен чуть наклонил голову.

– Простите. Я не хотел задеть вашу благодарность.

– Мою память. Он не тронул меня, когда мог. Не унизил, когда мог. Не солгал о том, что знает путь домой. Для начала этого достаточно, чтобы не швыряться словами.

На лице Лиорена мелькнуло что-то острое.

И тут же исчезло.

– Вы верите ему.

– Я проверяю.

– Разумно.

– А вас я уже проверила.

– И?

– У вас слишком белые перчатки для человека, который предлагает копаться в чужой грязи.

Он рассмеялся.

Тихо. Искренне почти.

– Осторожнее, Алиса. В Тауросе острый язык может привлечь внимание не тех мужчин.

– В моём мире тупой – тоже.

Шаги за спиной прозвучали тяжело.

Лиорен выпрямился ещё до того, как Алиса обернулась.

Тарк стоял в конце прохода.

Один.

Но проход сразу стал похож на коридор перед боем.

– Советник, – сказал он. – Я ждал документы.

– Я оставил их в вашем кабинете.

– Ты оставил мою гостью в библиотеке одну?

– Она не казалась беспомощной.

– Она и не беспомощная.

Тарк произнёс это так, что Алиса на секунду забыла о раздражении.

Не «моя пленница». Не «моя вещь». Не даже «под моей защитой».

Не беспомощная.

Лиорен перевёл взгляд с него на неё.

И улыбнулся.

Тише, чем стоило бы.

– Рад, что мы согласны хотя бы в этом.

Он поклонился и вышел между стеллажами, оставив после себя слабый запах дорогой бумаги и чужих планов.

Алиса посмотрела на Тарка.

– Вы следите за мной?

– Да.

Ответ был таким прямым, что она сбилась.

– Это вообще-то должно было меня возмутить.

– Возмущайся. Но не оставайся с ним одна.

– Приказ?

– Просьба.

Она замолчала.

Просьба из его уст прозвучала тяжелее приказа.

Тарк подошёл к столу и взял книгу, которую она держала вверх ногами. Перевернул. Посмотрел на обложку.

– Дверные переходы северных культов, – сказал он.

– Там есть что-то полезное?

– Мало. Но начнём с неё.

Алиса осторожно спросила:

– Начнём?

Он не сразу поднял глаза.

– Я обещал искать путь.

– Вы заняты.

– Да.

– И всё равно?

– Сделка, Алиса.

Почему-то это должно было остудить.

Сделка. Правильно. У них сделка. Он помогает ей домой, она помогает ему с замком. Всё просто, честно, безопасно.

Но он стоял рядом с книгой в руке, огромный и мрачный, и его взгляд всё ещё хранил след того, как он сказал Лиорену «она не беспомощная».

Алиса не чувствовала себя в безопасности.

Она чувствовала себя живой.

Это было гораздо хуже.

– Тогда у меня тоже просьба, – сказала она.

– Какая?

– Не решайте за меня, кому я могу доверять.

Тарк хотел возразить. Она увидела по лицу.

Но он сдержался.

Сжал книгу в руке, выдохнул через нос и сказал:

– Хорошо.

Потом после паузы добавил:

– Но если он причинит тебе вред, я решу за него, сколько костей ему нужно для ходьбы.

– Это уже ближе к рабочей атмосфере Роггарда.

– Я стараюсь.

Она улыбнулась.

Не удержалась.

Он посмотрел на эту улыбку так, будто она была не выражением лица, а чем-то, что случайно дали ему в руки.

И он снова не знал, как держать.

Алиса отвернулась первой.

– Читайте, генерал. Мне нужно понять, какие двери в этом мире имеют привычку похищать консультантов.

Тарк открыл книгу.

В библиотеке стало тише.

За окнами темнело, ветер скрёбся в стекло, где-то далеко Роггард гремел посудой, голосами, шагами. Замок жил своей тяжёлой жизнью.

А между стеллажами, над старой книгой, стояли рядом пленница, которая уже не хотела бояться только потому, что так было разумнее, и чудовище, которое слишком осторожно произносило её имя.

Лиорен Вейс ушёл.

Но белые перчатки будто остались лежать на краю стола.

Чистые.

И оттого особенно подозрительные.

Глава 11. Первое правило приручения

Пыль в южной галерее лежала так уверенно, будто имела право собственности на каждый камень.

Алиса чихнула, прижала блокнот к груди и посмотрела на Брума поверх серого облака.

– Скажи честно, это помещение когда-нибудь мыли?

Брум, державший корзину для мусора обеими руками, подумал.

– После осады Серого хребта здесь проходили раненые.

– Я спросила про мыли, а не про добавляли новый слой трагедии.

Гарра, экономка Роггарда, стояла у стены с видом женщины, которая пережила три войны, два неурожая и теперь была вынуждена пережить маленькую человечку с карандашом. Она поджала губы.

– Галерея считалась памятной.

– Памятной чему? Аллергии?

Алиса подняла взгляд на гобелен. На нём тауры бодали друг друга на фоне красного неба, человеческие фигурки горели в углу, а посередине художник, видимо, попытался изобразить славу. Получилось тревожно.

– Это убрать.

Брум икнул.

– Это победа при Суровом броду.

– В кладовой она победит ещё раз. Здесь будет проход к гостевому крылу. Императорские проверяющие не должны идти ужинать под ковром, который обещает им смерть до десерта.

Гарра закрыла глаза на секунду. Потом открыла.

– Генерал не одобрит.

– Генерал живёт в замке, где даже скамьи выглядят как наказание. Его мнение по уюту проходит проверку.

Сказала и только потом поняла, что за её спиной стало тихо.

Слишком тихо.

Брум уставился в пол. Гарра вдруг заинтересовалась креплением ставни. Алиса медленно повернулась.

Тарк стоял в проёме.

Он не был в броне, только в тёмной рубахе и тяжёлом плаще, на рогах блестели капли растаявшего снега. Всё равно выглядел так, будто броня просто испугалась и спряталась под ткань.

– Моё мнение проходит проверку? – спросил он.

Алиса сжала карандаш.

– По вопросам уюта – да.

– И кто проверяет?

– Я.

Он посмотрел на гобелен. Потом на пыльный пол. Потом на Алису.

– Строгая комиссия.

– Зато неподкупная.

В уголках его глаз что-то дрогнуло. Не улыбка. Ещё нет. Но уже опасное предвестие.

– Продолжай, – сказал он.

Это оказалось хуже спора.

Алиса открыла блокнот и заставила себя говорить деловым тоном.

– Южная галерея: открыть ставни, снять три гобелена, оставить только три комплекта доспехов вместо семи. Скамьи нарастить деревом и подушками. В ниши поставить жаровни или кадки с хвойными ветками. Свет – тёплый. Камень вымыть. Каргура с клыками убрать.

– Это не каргур, – сказал Брум.

– Мне уже всё равно, кто он. Он пугает даже мёртвым.

Тарк прошёл вдоль стены. При его росте галерея сразу стала уже. Он остановился у первого окна, взялся за ставню и дёрнул. Дерево застонало. Петли посыпали ржавчиной. В помещение ворвался холодный свет.

Пыль стала видна во всей своей преступной красе.

– Вот, – сказала Алиса. – Теперь замку стыдно.

– Замки не испытывают стыда.

– Ваш пытается, просто не умеет.

Гарра фыркнула. Едва слышно, но Алиса засчитала как победу.

Тарк повернулся к ней.

– Зачем всё это?

Вопрос прозвучал не как упрёк. И Алиса вдруг поняла: он правда спрашивает. Не о подушках. О смысле.

Она провела пальцем по каменной скамье. На коже осталась серая полоса.

– Потому что дом не должен пугать тех, кто в нём живёт.

Брум перестал дышать. Гарра смотрела уже не на ставню.

Тарк молчал.

Алиса продолжила, хотя горло внезапно пересохло.

– Здесь всё говорит: не задерживайся, не садись, не расслабляйся, не смей думать, что тебе рады. Это может быть крепость. Но внутри крепости люди должны выдыхать. Иначе она воюет со своими.

Тарк долго смотрел на неё. Так долго, что Алиса почти пожалела о сказанном.

Потом он снял гобелен одним движением.

Ткань рухнула ему на плечо, подняв новое облако пыли. Брум кашлянул. Алиса зажмурилась. Тарк даже не моргнул.

– Гарра, – сказал он. – Открыть все ставни. Трофеи перенести. Доспехи оставить по выбору Алисы.

Экономка выпрямилась.

– Генерал, это историческая галерея.

– Она останется исторической, только чистой.

Алиса почувствовала, как в груди становится странно тепло. Не от того, что победила спор. От того, что он услышал.

Работа пошла быстрее. Ставни открывались одна за другой. В галерею хлынул свет, холод, голоса слуг. Брум попытался снять каргура и чуть не уронил себе на ногу. Гарра ворчала, но уже командовала тряпками. Алиса забралась на каменную скамью, чтобы дотянуться до верхнего шнура второго гобелена.

– Лестницу, – сказал Тарк.

– Я достану.

– Алиса.

– Я почти.

Она потянулась. Шнур был совсем рядом. Ещё чуть-чуть.

Гобелен шевельнулся, с него посыпалась пыль. Алиса чихнула, потеряла равновесие и успела подумать: «Как глупо умереть под ковром с горящими людьми».

Она не упала.

Одна рука легла ей под спину, вторая сомкнулась на талии. Мир качнулся и остановился у Тарка на груди.

Очень близко.

Слишком близко.

Под её ладонями было тепло. Твёрдое, живое, с медленным ударом сердца под тканью. Алиса резко вдохнула, и запах его плаща – снег, кожа, дым – оказался у неё во рту.

– Ты проверяешь все мои нервы по очереди? – спросил он тихо.

– Только несущие, – выдавила Алиса.

Брум сдавленно пискнул. Для существа его размера это было впечатляюще.

Тарк не улыбнулся. Но глаза у него потемнели не от злости.

Он держал её дольше, чем требовалось.

Алиса это заметила.

Он тоже.

– Можно поставить меня на пол, – сказала она.

– Можно.

Но поставил не сразу.

Его пальцы разжались медленно, и тепло на талии осталось после прикосновения, будто тело решило сохранить улику.

Алиса поправила рукав.

– Спасибо.

– Лестница, – сказал он.

– Теперь да.

– Всегда.

Она подняла взгляд. Слова были простые, но прозвучали не о мебели.

Гарра делала вид, что изучает гобелен. Брум смотрел в окно с отчаянием существа, которое всё видело и не имело права обсуждать.

Алиса открыла блокнот, чтобы спрятать лицо, и написала: «Правило первое: дом не должен пугать тех, кто в нём живёт».

Подумала.

Добавила ниже, мелко, уже для себя: «Правило личное: если хозяин замка слышит – он опаснее, чем кажется».

И не зачеркнула.

Глава 12. Человечка под защитой

Запах горелого воска появился раньше жреца.

Алиса стояла в кладовой восточного крыла, по локоть в ящике с занавесями, и пыталась понять, почему ткань, заявленная Гаррой как «бархат для торжественных случаев», на ощупь напоминала мох с дурным характером. Брум ушёл за верёвкой. Экономка спорила с прачками этажом ниже. У Алисы было десять минут тишины, пять ящиков старья и твёрдое желание не проиграть шторе.

Потом в коридоре скрипнула доска.

Роггард скрипел постоянно. Двери, ставни, половицы, нервы. Но этот звук был осторожный. Чужой.

Алиса взяла со стола бронзовый подсвечник в форме зверя с лишними зубами. Наконец-то местный декор мог принести пользу.

– Брум?

Ответа не было.

В дверном проёме появился высокий таур в ритуальном плаще. Алиса узнала его сразу: один из жрецов из храма, где она свалилась на алтарь. Белые полосы краски на рогах, впалые щёки, глаза человека, который не просто верит в чудо, а готов сделать с чудом всё, что сочтёт нужным.

– Великая Мудрость, – выдохнул он.

– Нет, – сказала Алиса. – Алиса. Консультант. Временно исполняющая обязанности чужой проблемы.

Он вошёл.

– Вы скрываетесь под малым именем.

– Я скрываюсь в кладовой от пыльных занавесок.

– Генерал осквернил призыв. Он увёл вас из круга.

– Генерал проявил редкую здравость. Я тогда была в шоке, замёрзла и лежала на камне.

Жрец смотрел не на неё, а сквозь. Это было хуже угрозы. С угрозой можно торговаться. С безумием – нет.

– Храм ждёт ответы.

– Передайте храму, что у меня приём по записи.

Он заметил рулетку на столе. Лицо его озарилось.

– Лента меры. Знак порядка.

Алиса сдвинулась, заслоняя рулетку.

– Инструмент из мебельного центра.

– Вы говорите загадками.

– Я говорю прямо. Это у вас перевод с реальностью хромает.

Жрец сделал ещё шаг. В кладовой сразу стало тесно.

– Не бойтесь. Я не повреждю сосуд.

У Алисы похолодели пальцы.

– Я не сосуд.

– Все мы сосуды для предназначения.

– Я в таком сервизе не участвую.

Он бросился неожиданно. Не как воин – рвано, нервно, но силы хватило. Алиса отскочила, ударилась бедром о ящик, швырнула подсвечник. Попала ему в плечо. Он зашипел, но схватил её за запястье.

Боль вспыхнула бело.

– Круг ждёт, – бормотал он. – Ответы ждут. Север ждёт.

– Север может подождать в очереди!

Она ударила каблуком по его копыту. Он дёрнулся, но не отпустил. Рулетка слетела со стола, металлическая лента выскочила с сухим треском и хлестнула его по кисти. Хватка ослабла на миг.

Алиса вдохнула, чтобы закричать.

Не успела.

Рёв пришёл раньше.

Он прошёл по коридору низкой волной, от которой в груди всё сжалось. Не крик. Не звук гнева даже. Предупреждение, древнее и простое: беги, пока можешь.

Жрец побледнел.

В следующую секунду дверной проём заполнил Тарк.

Он не вошёл – именно заполнил. Рога почти задели потолок, плечи перекрыли свет из коридора, глаза были чёрными.

– Отпусти, – сказал он.

Жрец не отпустил.

Ошибка.

Тарк двинулся так быстро, что Алиса не успела понять, как. Запястье стало свободным, а жрец оказался прижат к стене, с пальцами генерала на горле. Полка треснула. Вниз посыпалась ткань.

– У меня есть право убить любого, кто тронет того, кто под моей защитой, – произнёс Тарк.

Тихо.

И оттого страшнее.

Алиса прижала больную руку к груди. Часть её хотела, чтобы жреца наказали. Другая часть увидела, как близко Тарк к той грани, за которой его будут называть чудовищем уже не враги, а он сам.

– Тарк.

Он не повернулся.

– Тарк, посмотрите на меня.

Его ухо дрогнуло. Хватка не разжалась, но взгляд медленно нашёл её.

– Он уже отпустил, – сказала Алиса.

Тарк посмотрел на красные следы на её запястье. Рычание снова поднялось в груди.

– Нет, – сказала она. – Не так.

– Он хотел увести тебя.

– Да. И теперь его нужно закрыть, допросить и не дать вашему замку превратиться в место, где людей душат в кладовой.

– Он не человек.

– Это не улучшает аргумент.

Тарк дышал тяжело. Жрец хрипел, скрёб копытами по полу. Алиса сделала шаг ближе. Ноги дрожали, но она всё равно подошла.

– Пожалуйста.

Слово попало в него сильнее приказа.

Тарк закрыл глаза. Потом оторвал жреца от стены и бросил на пол.

– В северную башню, – сказал он стражникам, уже влетевшим за Брумом. – Без свечей. Без круга. Без посетителей.

Жреца увели. Он успел прошептать:

– Мудрость не принадлежит зверю.

Тарк сделал шаг за ним.

Алиса схватила его за рукав.

Это было смешно: если бы он захотел, она не удержала бы даже его рукав. Но он остановился.

Когда коридор опустел, кладовая вдруг стала маленькой и грязной. На полу валялась ткань, рулетка, подсвечник. Брум стоял в дверях с верёвкой в одной руке и табуретом в другой, как человек, который опоздал на битву, но всё равно готов ударить мебелью.

– Запястье, – сказал Тарк.

– Целое.

– Покажи.

Она хотела спорить. Потом увидела его лицо и протянула руку.

Он не коснулся сразу. Посмотрел на свою ладонь, потом на её кожу, словно боялся оставить новый след.

– Можно, – сказала Алиса.

Только тогда его пальцы легли ей на запястье. Бережно. Почти невесомо. Для такой руки – чудо точности.

– Я должен был поставить стражу, – сказал он.

– Я сама отказалась.

– Я должен был не слушать.

– Очень плохое начало разговора.

Он поднял глаза.

– Ты маленькая, Алиса. Здесь. Среди нас. Среди тех, кто может сломать тебе кость, просто схватив слишком крепко.

– Спасибо за анатомическую справку.

– Это не шутка.

– Знаю. Но между «беречь» и «запереть» есть разница.

Тишина стала острой.

Тарк отпустил её руку.

– Я не умею беречь маленькое, – сказал он. – Но учусь.

Слова были шероховатыми, как камень. Не красивыми. Настоящими.

Алиса сглотнула.

– Тогда первое: не называйте меня маленькой так, будто это диагноз.

Он моргнул.

– Это факт.

– Факт можно произнести по-разному. Например: «Алиса, вы удивительно компактны, и местная мебель вас не уважает».

Угол его рта дрогнул.

Улыбка. Маленькая. Почти мгновенная.

У Алисы внутри что-то предательски потянулось к этой улыбке.

– Стража у твоей двери, – сказал он.

– Тарк.

– У двери. Не внутри. Без запрета выходить. И в восточное крыло – только с кем-то.

– Это приказ?

Он помолчал.

– Просьба.

– У вас просьбы звучат как осадная башня.

– Я работаю над этим.

Он правда работал: голос стал тише, плечи ниже, взгляд перестал давить.

Алиса посмотрела на запястье. Потом на него.

– Хорошо. Но я сама выбираю, куда хожу, если это нужно для работы.

– Если это нужно для работы, – повторил он.

– Спасибо.

Он поднял с пола подсвечник, взвесил в ладони и протянул ей.

– Оставь у себя.

– В качестве оружия?

– В качестве элемента уюта.

Она рассмеялась. Тихо, на выдохе.

Когда Алиса взяла подсвечник, их пальцы коснулись. После всего случившегося такое касание должно было потеряться. Но не потерялось.

Он заметил.

Она тоже.

– К лекарю, – сказал Тарк.

– Если мазь пахнет болотом, я буду жаловаться.

– Буду слушать.

– Долго.

– Я генерал. Я привык к осадам.

Уже в коридоре он остановил её голосом.

– Алиса.

Она обернулась.

– Ты назвала меня Тарк.

Только сейчас она поняла. Там, в кладовой. Без титула. Без защиты.

– Вам не нравится?

– Нравится.

Слово вышло низким, почти грубым от сдержанности.

Брум резко уставился в потолок, будто там внезапно выросла фреска.

Алиса крепче сжала подсвечник.

– Тогда привыкайте.

И пошла к лекарю.

Мазь действительно пахла болотом. Но Алиса улыбалась всю дорогу, как последняя идиотка, и от этого злилась на себя почти сильнее, чем на жреца.

Глава 13. Ткань против брони

Рынок у подножия Роггарда пах мокрой шерстью, жареными каштанами и торгом.

Последний запах Алиса знала лучше всех. У торга всегда было своё дыхание: пыль на товаре, жадность продавца, упрямство покупателя и ложь, налитая сверху тонким сладким слоем. В мебельном центре это пахло пластиком, каталогами и кофе из автомата. Здесь – дымом, кожей и сырой землёй.

Суть не менялась.

– За этот рулон, – сказал купец, расправляя перед ней ткань цвета старого вина, – всего восемь серебряных быков. Почти даром, госпожа.

Алиса потрогала кромку.

Плотная. Хорошая. Но кромка потемнела от сырости, рисунок был неровный, а «почти даром» в любом мире означало «сейчас вас попытаются раздеть красиво».

– Три, – сказала она.

Купец побледнел театрально.

– Госпожа ранит моё сердце.

– Ваше сердце переживёт. Ткань лежала во влажном складе. Вот пятно, вот залом, вот нитка потянута. Для главного зала не годится, для гостевых скамей можно взять. Три.

Купец открыл рот.

И посмотрел за её спину.

Все сегодня смотрели за её спину.

Там стоял Тарк. Он обещал не вмешиваться и действительно молчал. Но молчал так, что торговцы сами вспоминали честные цены, а прохожие уступали дорогу заранее. Даже две козы у лавки с сырами перестали жевать, когда он проходил мимо.

Очень мешало работать.

– Пять, – сказал купец уже не Алисе, а куда-то выше её головы.

– Три с половиной.

– Я разорюсь.

– Нет. Но меньше заработаете на попытке продать мне сырой край.

– Четыре.

– И два мотка крепёжного шнура.

– Один.

– Три.

– Два.

– И десять медных гвоздей.

Купец прижал руку к груди.

– Вы жестоки.

– Практична.

Он вздохнул, но глаза блестели. Хороший продавец уважал честную драку.

– Договорились.

Брум осторожно взял рулон, будто держал младенца из хрусталя. После урока с фарфором он вообще стал обращаться с любыми предметами так, словно они могли обидеться.

Алиса пошла дальше.

Рынок оказался богаче, чем она ждала. Таурские ткачихи продавали плотную шерсть для зимних шатров, человеческие купцы – тонкие занавеси, низкорослые мастера, которых здесь называли корнями, – кожаные ковры, не боявшиеся копыт. Алиса записывала всё: размеры, цены, назначение, кто врёт глазами, кто руками, кто просто плохо хранит товар.

У лавки с зелёно-серой тканью продавщица-таурка скрестила руки.

– Человеческим рукам тяжело шить такую ткань.

– Шить будут не мои руки.

– Тогда зачем тебе знать?

– Чтобы не купить то, что потом будут проклинать чужие.

Продавщица посмотрела внимательнее.

– Ты странная человечка.

– Сегодня уже говорили.

Сзади послышался низкий звук. Почти фырканье.

Таурка тут же перевела взгляд на Тарка.

– Генерал Варр смеётся на рынке. День будет странным.

– Генерал Варр не смеётся, – сухо сказал Тарк.

– Конечно, мой господин.

По её лицу было видно: не поверила.

К полудню Брум и двое помощников тащили столько рулонов, что походили на передвижную лавку. Алиса купила плотную ткань для галереи, медные заклёпки для подушек, ремни для крепления занавесей и кожаные полосы для подлокотников в кабинете Тарка. Не потому что думала о его руках. Конечно нет. Просто подлокотники были неудобные.

Тарк шёл рядом, всё так же молча.

Алиса не выдержала у лавки с пряжками.

– Вы мешаете.

– Я молчу.

– Вы молчите громко. Торговцы смотрят на вас, пугаются и сбивают цены. Я потом не пойму реальную стоимость.

– Разве это плохо?

– Для бюджета хорошо. Для системы ужасно.

Он посмотрел сверху вниз. В дорожной одежде без брони всё равно выглядел так, будто пришёл не за тканью, а за капитуляцией небольшого государства.

– Твоя система требует, чтобы тебя обманывали дороже?

– Моя система требует честных исходных данных.

– Тебя это правда волнует.

– Очень.

– Больше, чем то, что кто-то может снова…

Он не договорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.